

Министерство культуры Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Олег Маслов

Самара на все времена

Стихи

Русское эхо
2016

ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

М 31

Маслов О.Н.

М 31 Самара на все времена: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2016. — 160 с.

ISBN 978-5-9908540-3-1

Новую книгу известного самарского поэта, члена Союза писателей России Олега Николаевича Маслова составили стихотворения последних лет, многие из которых были опубликованы в журнале «Русское эхо».

ISBN 978-5-9908540-3-1

© Маслов О.Н., 2016.

© Русское эхо, 2016.

ОДА

Светла на рассвете
До каждой росинки
При древних своих образах,
Самара — ударница
В красной косынке,
Самара — солдатка в слезах.
Не раз ей суровые годы грозили,
Но знала и знает страна:
Самара на Волге,
Самара в России,
Самара — на все времена!

Ей как бы на плечи
Судьба ни давила,
Она свою ношу несла —
И горькую пайку
На ощупь делила,
И всем караваи пекла.
На полный включала
Гудки заводские,
Когда подступала война,
Самара на Волге,
Самара в России,
Самара — на все времена...

Порывистым ветром
К груди прижимает
И в парках листвою шумит,
Забористой чаркой
В мороз согревает,
Бескрайним простором пьянит,

Когда в ослепительной
Солнечной сини
Поёт и ликует весна,
Самара на Волге,
Самара в России,
Самара — на все времена!

Так славься, родная,
И здравствуй навеки,
Навек оставайся такой —
Опора державы, где малые реки
Становятся Волгой-рекой!
Где к звёздам уводят
Тропинки лесные
И в космос стартует она,
Самара на Волге,
Самара в России,
Самара — на все времена!

Самарские окраины мои

* * *

Всю жизнь бродить по улицам одним
И тем же, колесить в автомобиле
До головокруженья, до седин
И помнить всех, о ком давно забыли,
Обыденностью новой дорожа,
От прошлого шарахаясь в испуге,
Уехали и умерли друзья,
Переменили прежние подруги
Свой образ жизни, свой интимный быт —
Засахарился мёд, и сливки скисли,
Забиты стрелки, хрен на всё забит,
И еле-еле выжил образ мысли.

Воспоминаний тусклая слюда
Где на январском воздухе слоится —
Из чуждых палестин сюда, сюда,
Где, как магниты, дорогие лица
Вытягивают душу из невзгод,
Где звёзды и кресты суются в рожу,
Но подступает снова Новый год,
И календарь, шурша, сменяет кожу.

Да будут год змеи и год орла
Помилосердней к нам по мере мочи,
Пока мы живы — сентябрю хвала,
Где сумерки дождём плюются в очи
И наступает март коту на хвост,
Поленьями в печи январь шурует —
Сюда, сюда, где пламя в полный рост
И плотный ужин, как хомяк, жирует,
Плоть услаждая, тишиной дыша,
Где рюмка водки наподобье залпа,

Сюда, где задрожит впотьмах душа
От перекрёстка прежнего внезапно
И всё вернётся — завершеньем бед,
Ознобом жара, климаксом мигрени,
Коротким смехом вместо «да» и «нет»,
В толкучке рынка ворохом сирени...
Незнамо кем лелеем и храним,
Чужие и свои лета итожа —
Всю жизнь бродить по улицам одним
И тем же, говорить одно и то же...

* * *

Казаки вы, казаки,
Властью кормлены с руки
В прежние столетья —
Отчего вы, казаки,
Мою бабушку секли
Аргамацкой плетью?

До преклонных лет мила
Моя бабушка была,
Ксения Петровна, —
Мыла, штопала, пекла,
И в присутствии ея
Всяк дышал неровно.

А сто лет назад тому,
В бывшем Пушкинском Дому,
Митинги, агитки,
Красноречье без конца —
Ну а вы их у крыльца
В зубы, под микитки...

Отчего служивый люд
Так в паскудной службе лют,
Действует ударно:
Чуть чего не то споют —

Певунов с размаху бьют
Негуманитарно.

Передвинулись века,
Поседали облака,
Выщвели детали,
И видней издалека,
Что за это вам бока
Красные намяли.

Понимая всякий грех,
Я за всё простил и всех,
Но и в добром стиле
До сих пор на том стою:
Зря вы бабушку мою,
Казаки, побили.

Хоть мне тоже сердце мнёт,
Что уже не первый год
На иных вершинах
Собирает шумный круг
Мой хопёрский лучший друг —
Атаман Аршинов.

И судьба моя не та,
Чтоб летящие лета
Мазать разной краской,
Но, гуляя до зари,
На кнуты и газыри
Я гляжу с опаской.

Я об этом речь веду
В приснопамятном году,
Где на радость и беду
Сочиняю книгу —
Будто в Пушкинском Дому
На ступени вновь кладу
Скорбную гвоздику.

* * *

Дочь разговаривает во сне
На никудышном своём эсперанто —
Скучно и грустно становится мне
Перевоспитывать двух аспирантов,
Делать людьми, помаленьку, кряхтя —
Не понимая родное дитя.

Будто какие-то нити связать
Пробую вдруг, да отсутствует навык:
— Что с тобой? — хочет, очнувшись, сказать,
Но умолкает и падает на бок,
Машет рукой, говорит, что не спит,
И в одеяло сердито сопит.

Странное, словно чужое, жильё
Там, где вчера просыхали пелёнки:
Все разбитные одёжки её,
Пёстрые книги и громкие плёнки,
Звёзд и злодеев пустые зрачки,
Дикие лица, крутые значки.

Тяжкое время для них, молодых,
Нынче настало — аж душу воротит:
То, как десантник, врезает под дых,
То ожиданий ознобом колотит,
Праведной жалости нет у него...
Только живут, говорят, ничего.

Горькое время настало для нас:
Как с ними быть — ни черта непонятно,
Глупость на грубость — так искры из глаз,
Споры да ссоры — так слёзы из глаз!

И непривычно
Идти на попятный —
Молча на эти картинки глядеть,
Ночью на краешке стула сидеть.

* * *

За что погубили Разлацкого Лёшу —
Не перед войной, а полвека спустя:
Он только приподнял сомнений ношу,
Счастливой державы смурное дитя.

Он хмурого Маркса, как Господа Бога,
За бороду взять по старинке решил,
Но в этом, видать, поднапутал немного,
А прочим ничем никогда не грешил.

В темницу, где корни, жуки да мокрицы,
В крошечное чрево родимой земли,
В наградах и званьях крутые марксисты
Могучей метлою его замели.

За что — тяжело даже думать об этом,
Ведь сам сомневался и рядом с ним жил,
Хоть я не считал его близким поэтом,
А с Марксом вовек не служил — не дружил.

Я им не чета — ни тому, ни другому,
И вихри враждебные я не пою,
Но часто, идя на работу из дому,
На Лёшиной улице молча стою.

Всей кожей норов двуликой эпохи
Я чувствую, сердце щемит до сих пор:
Столичные диспуты, ахи да охи...
С российской глубинкой другой разговор.

Всё те же деревья, трамвай, перекрёсток,
Чужое окно на его этаже.
Дай Маркс тебе счастья,
С плакатом подросток!
А мне это осточертело уже.

* * *

Освящение писательских уз,
Заключительный миг беспредела:
Петя Гриднев вступает в союз,
Завершается правое дело!

В казахстанских степных лагерях,
О вожде рассудив и о Боге,
Полздоровья в пути потеряв,
Он у храма стоит на пороге.

Большевик, не кадет, не эсер,
Не сыгравший по случаю в ящик,
Всех изданий СССР
Арендатор отныне и пайщик.

Всех дискуссий о благе страны
Полноправный отныне участник,
Он не ведает чьей-то вины
За свои и чужие несчастья.

И гордится до ярости он,
Вспоминая великие годы,
Комиссарам кремлёвским вдогон
Посылает заздравные оды!

Продолжая державу спасать,
Нас обводит сияющим оком —
Каюсь я, что решался сказать
Полуправду ему ненароком.

Я зелёный ещё и дурной,
И ничто мою дурость не сдержит:
Но, как Ленин, стоит предо мной
Петя Гриднев и рукопись держит...

Гаснет день, задувает зима,
Затухает гудение веча,
И, по счастью, хватает ума
Промолчать, ничему не переча.

ГИМН

Мы вновь победой
Сезон открыли
Горят болельщиков
Счастливые глаза, —
Взлетайте, «Крылья»,
Родные «Крылья»,
Авторитетов легендарная гроза!

Игрой в атаке и в обороне
Опять на Волге
Начинается футбол —
Братва гуляет на стадионе
И дружной радостью
Встречает каждый гол!

Призы и кубки
Мы с боем брали
И выходили на удар наверняка —
Не уступали, а побеждали
«Локомотив»,
«Динамо» (Киев), ЦСКА.

Былые флаги
С надеждой вынув,
В команде наших
Самых лучших игроков —
И Ворошилов, и Хусаинов,
И наш любимый снайпер
Боря Казаков...

Вы наша гордость,
Вы наша сила,
Мы рядом с вами
Все невзгоды победим —
Вперёд, Самара,
Вперёд, Россия,

Мы нашей славы
Никому не отдадим!

(Пролетели — не решились
Отстоять свои медали:
То ли с тренером ошиблись,
То ли денег недодали...)

Мы вновь победой
Сезон открыли —
Горят болельщиков
Счастливые глаза,
Взлетайте, «Крылья»,
Родные «Крылья»,
Авторитетов легендарная гроза!..

* * *

Меню, засиженного мухами,
Там ни в одной пивной не видывал:
Как хорошо бывало в Мюнхене!
Ходил по кругу и завидовал.

В универсам на третьей скорости
Спешил к сезонной распродаже —
Тогда не верилось, что вскорости
У нас покруче будет даже.

И жизнь в Самаре так поправится,
Что вместо собственного хаоса
Салоны БМВ появятся
И «Лёвенсброй»
Из Хоффсбройхауса!

И мы о дне грядущем думаем,
Когда, сорвав пивные крышечки,
Обсудим, как на высшем уровне
С «Баварией» сыграют «Крылышки»...

* * *

В Студёном овраге поют петухи
И страшные устно разносятся вести,
Что оптом вразнос продаются стихи
И в розницу предоставляются песни.

Навеки оставив стрелу и булат
Сказаньям из жизни царевича Вани,
На месте вчерашних хором и палат
Встают над оврагом коттеджи и бани.

И лишь телекамеры круглый оскал
Следит, как бесшумные джипы несутся,
Где царский наследник на волке скакал
И призраки воспоминаний пасутся...

* * *

На лестнице кинотеатра «Молот»
Нас обдувал ежевечерний холод,
С недетским ароматом декаданса,
Когда мы шли домой с киносеанса,
Покорены иллюзионным светом,
И в подворотне пахло туалетом.

А возле кассы друганы толпились,
Которые ещё не насладились
Люмьеровским
Талонным волшебством,
А также эталонным мастерством —
То михалковским, то бондарчуковским,

Но больше —
Вольным воздухом московским,
Которым восторгался Пьер Ришар
И Солженицын тяжело дышал.

* * *

Застольные речи ведём о былом
И ходим по праздникам в гости,
Мы ржавые гвозди в заборе гнилом,
Последние ржавые гвозди.
Никак не кончается наша война
И не выдаётся награда —
Не наша заслуга, не наша вина,
Что держится с нами ограда.
Тут всяким экспертам перечень ни перечь
Во имя великой России,
Но нас из забора уже не извлечь
И не отмочить в керосине.
Приправлены скепсисом наши умы,
Но в гнили родного забора
Да здравствуют гвозди,
Да здравствуем мы,
Грядущего века опора!..

* * *

В Париже хорошо:
Там воздуха вуаль
Трепещущим крылом
Колеблет вешний зяблик
И островок Сите
Плывёт по Сене вдаль,
Под старые мосты
Нырять, как кораблик.

В Берлине хорошо:
Там клейкою листвою
Рекламные щиты
Облеплены и тумбы
И солнца рыжий взрыв
Парит над головой,

Раскрасив карнавал
И праздничные клумбы.

На Мальте хорошо:
Там рыцарский отряд
Из крепостных ворот
К разбойничьим десантам
Идёт, чеканя шаг —
И поножи гремят,
И трубы в бой зовут
С хрипением надсадным!

В Самаре хорошо —
Самара лучше всех.
У нас опять варяг
Приставлен балом править,
И пыль столбом летит
На прошлогодний снег,
И прежнюю любовь
Пинками гонит память...

* * *

Просыпаюсь — и звёздную музыку слышу,
От которой смолкает природа окрест,
Будто видя меня сквозь дощатую крышу,
Сверху кто-то играет, как сводный оркестр.
Лунный свет над свободной Восточной Европой,
Где со мною ты спишь в первобытном раю,
Восхитительно круглой и грешною плотью
Согревая безгрешную душу мою,
Ибо лето в разгаре и спишь без рубашки,
И, лелеемы лунным холодным огнём,
Расцветают большие ночные ромашки,
Меж засохшими листьями спящие днём.
И деревья растут на глазах, обнимая
Небосвод, и в глазах отражается высь,

И душа вырастает, себя поднимая
В темноту, где ветвистые вишни сплелись.
Так проходят по лунной реке пароходы,
Свои марши и вальсы во тьму унося,
Так впервые от влажной и тёплой погоды
До травинки земля пробуждается вся...
К этим таинствам в тысячный раз припадая,
Как в ознобе, от звёздного ветра дрожу,
И прошу об одном, в темноте пропадая:
Не бросай меня, слышишь? Я сам ухожу.

* * *

Ты спрашиваешь: «Где ж тут обо мне?»
Весь этот ветер, что от моря солон,
Весь этот вешний свет в твоём окне,
Весь этот воздух — он тобою полон.

Ты спрашиваешь: «Что ж тут про меня?»
Вся эта ревность, всех сомнений мука —
Как на поленьях языки огня,
Как в зимнем поле продолженье звука...

Чтоб если в глубину — дойти до дна,
Чтоб если вдаль — то до конца и края,
Как будто я один и ты одна:
Есть яблоки, но больше нету рая.

И ты во всём, пока живу и жду,
Пока твои вокруг дробятся лики,
Пока, не уступая, рву и жгу
Последних слов последние улики.

* * *

Скажет Вий:

— Поднимите мне веки!

Это что там за лица вдали?

— Это мы, твои новые зеки,

В ХХI мучительном веке

Доложить о прибытье пришли...

Мы стоим, как Ермак у Тобола,

В окружении разных врагов:

Ни хоккея у нас, ни футбола,

Ни гармошек у нас, ни стихов —

Ничего, кроме праздных грехов.

Через силу мы строим и пашем,

Пополняем валютный запас,

Ибо мним: на усердии нашем

Каждый день трудовой, каждый час

Наживается кто-то за нас...

На рассвете по рельсу ударим

И в колоннах печатаем шаг,

За вождём своим и государем,

И неведомо: друг или враг

Опекает наш бывший Трудлаг.

Инспектирует ночью и днём,

Инструктирует столь же надменно,

Инвестирует, гробить дабы,

Игнорирует наши мольбы —

Есть ли выход из данной судьбы?..

Скажет Вий:

— Мои адские вежды

Опустите, слепцы и невежды,

Ибо с вами всё ясно и так,

Ибо око последней надежды

Закрывает ваш медный пятак.

Ибо злая судьбина права:

Примеряя свои спецодежды,

Завяжите узлом рукава...

* * *

Зачем я мучил рыжего кота,
Зачем в углу дырявого двора
Вершилась, от забора до куста,
Разбойная, охотничья игра?..
Он приходил, красавец и атлет,
К тому, должно быть, без кого не мог,
Но я, наевшись маминых котлет,
С рогатиной в руке его стерёт.

Собой рискуя и гордясь собой,
Бронёй воображения храним,
Как ягуара, вызывал на бой,
Как звероящер, прыгал перед ним!
Свой первобытный утоляя пыл,
По тёплой травке шлёпал босиком,
Но он мужчиной пятилетним был,
А я — девятилетним барчуком.

Мы с ним не доиграли до конца,
Как будто вдруг включились тормоза:
В косматых дебрях рыжего лица
Я увидел белёсые глаза,
И в них — тоску и зависть, а не злость,
Вскипающей обиды едкий газ —
Как будто в сердце мне вогнали гвоздь
И плену с моих сорвали глаз.

...И точно так же, маясь и таясь,
Я пробирался брошенным двором,
Свинчаткой в зубы получить боясь
Или под рёбра — сточенным пером,
И так же в горле чувствовал комок,
Цветы швыряя на пол и вино,
И ничего я изменить не мог,
Что было твёрдо кем-то решено...

Сперва мороз, потом грачиный гам,
И снова опыт с возрастом не в счёт —
Не нужен здесь, но буду нужен там,
А коль не там, то где-нибудь ещё!
Моя любовь, не пропадёшь со мной,
Но всё равно весною до сих пор
С какой-то недосказанной виной
Вхожу и вижу твой зелёный двор.

Стою у всех соседей на виду,
Смотрю подолгу на твоё окно,
Как будто помню и чего-то жду,
Чего на свете больше нет давно.
Но может повториться в день любой,
Лишь кто-то спросит вдруг из темноты,
Когда приходят эти пыл и боль,
Куда уходят рыжие коты...

* * *

Хорошо, когда кто-то живёт за стеной —
Шепелявит и кашляет, если больной,
За столом в выходной собирает народ,
По ночам в телефонную трубку орёт,

Сверху бьёт молотком, снизу чем-то стучит,
Что-то возит и сверлит, гудит и ворчит,
Джагу-джагу танцует и песни поёт,
Сам живёт и тебе помереть не даёт!

* * *

Какая-то музыка будто слышна,
И тайна какая-то будто видна:
Мне длинная память теперь не нужна,
Короткая память осталась одна.
Короткая память — как выдох и вдох,
Как будто бы судорога свела —

Я шёл не со всеми, я сделал, что смог, —
Короткая память осталась светла.
В разбойное время ножа и ствола,
Где длинную память отшибло кнутом,
Связало вожжей и скрутило винтом,
Сдавило ярмом, спеленало бинтом,
Короткая память осталась светла.
Я на перепутье ещё постою,
Ещё подожду и ещё подышу.
Я верю в короткую память свою,
Ещё снисхождения не попрошу,
Ещё никого и нигде не любя,
Про всех позабуду —
Запомню тебя.

* * *

В дощатом доме, средь тоски и мрака,
Я сплю под дождик, на сыром ветру,
И такса, говорящая собака,
Опять мне снится рано поутру.
Как будто «выпей», «встань» или «умойся»,
Её слова просты и хороши:
«Не суетись», «не торопись», «не бойся»,
«Не торопись», «не бойся», «не спеши»...
И я встаю, во мне покой и робость,
Я припасённый рубль несу в горсти:
На остановке грузовой автобус
Меня, кряхтя, берётся подвезти.
Я в свой огромный город еду гордо,
Исполнен сил, готов любить всерьёз,
Но выражение говорящей морды
Меня всё время трогает до слёз.
И счастлив я, что на моём наречье,
На языке очнувшейся души,
Ещё слышны слова нечеловечьи:
«Не суетись», «не бойся», «не спеши»...

ЭЛЬБРУС

С души обвалился невидимый груз,
Когда над ореховой чащей,
Как в опере «Демон» фанерный Эльбрус,
Открылся Эльбрус настоящий,
И две треугольные глыбы вдали,
Светясь от серебряной пыли,
На вздох от цветущей предгорной земли,
Слегка приближаясь, поплыли...

И адский огонь помаленьку угас,
Хоть с прежнею злобой злодейской
Вчерашние угли в утробах у нас
Вздувал винзавод прасковейский,
Но после мигрени, как высшая весть,
В глазах синева задрожала —
Во всём принимала такими, как есть,
И к райским садам приближала...

Нам верилось слабо в такие дела
На старой кавказской дороге,
Но вера была, и надежда была,
Что всё обойдётся в итоге,
Что счастливы будут влюблённые все,
Наступят желанные сроки —
И капелькой ртути «газель» по шоссе
Летела в попутном потоке.

Мы жили,
Мы были в небесном краю,
Мы песни забытые пели,
И музы сидели пред нами в раю,
Как грифы на месте дуэли.
И евший пломбира оплавленный брус
К сладчайшим дарам причащался,
И с нами, вдали открываясь, Эльбрус
Здоровался или прощался...

КАМСКИЙ ЛЁД

Под косым дождём промокли
Набережная и сквер —
Камский лёд плывёт по Волге
Посреди СССР.
В этой белой преисподней
Знать не знаем мы тогда
То, как будем жить сегодня:
Ни СССР, ни льда.

По асфальту, по карнизам
Бьёт капель, съедая снег,
И советский оптимизм
Нас переполняет всех.
И с косичками подруги
Ждут на третьем этаже,
И Гагарин в центрифуге
Тренируется уже.

* * *

Здравствуй, здравствуй,
Человек любимый!
В форточки и двери напролом
Сходит поднебесною лавиной
Первомай безудержным теплом.

И трещат на всех деревьях почки,
Спавшие над нами до поры,
Выпуская клейкие листочки,
Зеленью умывшие дворы.

И в грязи весенней скачешь сдуру
Ты, мой ангел, перекрасив прядь,
Поминая мэрию и думу
Так, что не отважусь повторять...

* * *

Как хочется все эти годы
Проехать скорей:
Настолько покрылись они
Позолотой продажной!
Но: «Русские хиппи
Тебя не забудут, Сергей!» —
Набрызгано аэрозолем
На стенке гаражной.

Мокрушники мочат,
Мазурики воду мутят,
За счёт общака в мудрецы
Продвигают невежду,
Но «русские хиппи»
Кого-то забыть не хотят,
И всё-таки это сегодня
Внушает надежду.

Гуляют опричники,
Песни горланя вразброд,
Ключи от поместий
Несут им на свадебном блюде,
Но, как в «Годунове»,
Молчит оглушённый народ,
И помнят о ком-то
Растущие русские люди.

И только для них,
Повинуясь сноровке былой,
Порой поневоле
Крылатую клячу седлаю.
Желаю им памяти,
Трезвой, расчётливой, злой,
И ясного разума
Немилосердно желаю...

* * *

Нам солнышко светит,
Листву задевая
Над крышами наискосок.
Я маму целую в вагоне трамвая
В душистый и тёплый висок.

И мама гордится
Мальчишкой нескладным,
Застенчивым сыном своим,
Фырчит газировка
С сиропом несладким,
За баржею тянется дым.

Шевелится Волга,
Меж ясеней рыжих
Всё ярче она и видней,
И с юною мамой
Всё ближе и ближе
Под горку мы катимся к ней.

* * *

Так много вопросов и мало ответов,
Которые знали отцы,
Но скоро не будет в Самаре поэтов,
А будут дельцы и купцы.
Последнюю искру сожжёт генератор,
И в сумерках город притих —
Гордец городничий, мудрец губернатор
И много жандармов при них.

И чтобы на щели рифлёных заборов
Цветные афиши лепить,
Придётся невиданных звать гастролёров —
Из тувель шампанское пить.

Придётся, а нынче какая-то сажа
Слоями лежит на душе:
Володя и Петя, Серёжа и Саша
Её не увидят уже.

Они уже там, где чертоги курятся,
Где можно нектары вкушать.
А нам ещё в этом добре ковыряться
И этим угаром дышать.
А нам ещё ждать неизбежного часа,
Который пускай подождёт,
Когда круговая, кипящая чаша
Внезапно уста обожжёт.

* * *

Самарские мои окраины родные,
Родные с малолетства имена —
Отличники-друзья,
На голову больные,
С барачков поселковая шпана.

Мы здесь росли
И примеряли спозаранку,
Разглядывая мир во все глаза, —
Кто серп и молот
Со звездой на ушанку,
А кто с наколки синего туза.

Мы с детским домом
Враждовали несерьёзно,
До встречи на футбольном пустыре,
Друг перед другом
Матерились виртуозно
И собирались каждый вечер во дворе.

Ветшали наши
Трёхэтажные высоты
Под вешним солнцем,
Снегом и дождём,
Но после школы
Наши классные красотки
Всё ярче расцветали с каждым днём.

Кумиры прежних дней
Теперь давно в загоне,
Но их не забывают, как вчера,
Ни наши кореша —
Полковники в законе,
Ни наши знатоки-профессора.

Мы здесь росли
И примеряли спозаранку,
Разглядывая мир во все глаза, —
Кто серп и молот
Со звездой на ушанку,
А кто на зоне на спину туза...

* * *

Заводского спортклуба питомцы,
Несмышлёные денег насчёт,
Мы не грезили местом под солнцем,
Мы сдавали командный зачёт.
И задачу нам ставили прямо:
Обогнать, на подъёме пока,
«Трудовые резервы» с «Динамо»,
Принародно порвать «Спартак».
Чтобы выйти на город и область,
Трепетал каждый мускул и нерв,
Хоть бывало, что каждого порознь
Пробивал олимпийский резерв.
Но, схлестнувшись,

Как шведы с Канадой,
Мы в прямом коллективном бою
Завсегда побеждали командой,
Мы решали задачу свою!..
Не считаясь, ты цел или ранен,
Нас почти узнавала страна,
От Самары до самых окраин
Признавала своими шпана.
От загара как смуглые турки,
В униформе всегда напоказ,
Ветераны и бывшие урки,
Выпивая, болели за нас.
На казённых отъевшись талонах,
Без остатка калории жгли,
И на смену нам в майских колоннах
Пионеры и школьники шли.

* * *

Ах, воспоминанья, как синицы,
Наяву порхают день-деньской:
«Красный Крест»
Клинической больницы,
«Серп и Молот» кухни заводской...

Молодому дань конструктивизму —
Эта фрагментарная «Москва» —
Две фигурных скобки сверху-снизу
Над проездом Масленникова.

С подземелья сдвинутые люки,
Символа компьютерного знак.
А внутри — воспоминаний глюки,
А вокруг — непониманья мрак.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ

Анапестами и ямбами
Я путь указую вам —
К моим соловьям и яблоням,
Собакам и муравьям,
Вдоль ваших канав да ям...

Где воздух,
Как гвоздь с коррозией,
Разрушен лесной эрозией,
Цветочной пылью пропах,
Как будто нектар с амброзией,
На травах и корешках,
В божественных Петушках.

Где в жимолости-акациях
Гудеть начинает вдруг
Ассессор ассенизации —
Мой названный брат и друг,
Спаситель цивилизации,
А также всего вокруг.

Я дольниками-хорейми
Привечу вас у ворот:
Пред нами, гипербореями,
Латуками и пореями,
Запасом на Новый год
Бахвалится огород.

Печурка дрожит под кашицей
Как микроракетодром,
И хоть с керосином, кажется,
Ваш рыжий каперский ром —
Закусим и не помрём.

Попаримся и помоемся,
Подругам пошлём привет
И лишь за друзей помолимся,

Которых на свете нет,
Кто горько смолчит в ответ.

Все вместе или по очереди
К пристанищу моему,
Пока ни жены, ни дочери,
И лишь тишина в дому,
И худо быть одному.

ОБОРОНА МОСКВЫ

Мёрзлых снегов отшлифованный глянec,
Комья с прожилками мёртвой травы.
Слышишь? Моторы заводит германец,
Чёрные танки стоят у Москвы.

Чин в этот час не имеет значенья,
Ибо за каждый разъезд и редут
Молча ложится костями ополченье,
С песней под пули курсанты идут.

В книге столицыной скорбная повесть,
Смертная сшибка неистовых сил:
Над перелесками ближних околиц
Жуков тяжёлые руки сцепил.

Скрыта сугробами надолба глыба.
Есть ли у времени веха важней:
Кровью страна откупается, ибо
Нету надежд на прежних вождей.

Это потом они злато расплавят
И отольют по ранжиру венцы,
Голос возвысят и плечи расправят:
Гордость народа, Отчизны отцы —
В узел сведут и обрубят концы.

* * *

В застольном радостном азарте
Не иссякал речей родник.
«А я был в танковом десанте, —
Сказал внезапно отставник. —
Ревёт мотор, трещат сосёнки,
А мысль, бывало, об одном,
Хоть все печёнки-селезёнки
В утробе ходят ходуном,
Но, вопреки стальному лязгу,
Просты желанья и остры:
Вот попаду на перевязку
И попрошу у медсестры...

А вместо этого как даст вдруг
Взрывной по копчику волной,
И я в какой-то рыжий раструб
Лечу с машины головной,
И лишь подумать успеваю,
Что этот огненный провал,
Где рядом темень неживая,
Я сам себе наколдовал...»

Мы с ним по-братски после пятой
В тарелке делим холодец,
Хоть, непобритый и помятый,
Не брат он мне и не отец,
И, может, не припомнит завтра,
Крича на митинге: «Долой!» —
Ни тост за здоровье десанта,
Ни облик мой, ни отклик свой —

Во мне теперь, как сон хрустальный,
Как отсвет дальнего костра,
Мечта про садик госпитальный,
Где не откажет медсестра...

* * *

Сражались Вани и Алёши
От Пиренеев до Карпат,
Но нынче всё решают гроши,
Как громадяне говорят.
И битых недругов потомки
Паучьи подняли кресты,
В изнанки наши и потёмки
Надменно тыкая персты.

И как-то нам неловко вроде,
Хоть раскуражились слепцы,
Сказать при всём честном народе,
Что их геройские отцы,
Исход кампании прохлопав,
Не ждали почестей взамен
И от эсэсовских окопов
Ползли сдаваться
Нашим в плен...

СТАЛИНГРАДСКАЯ БАЛЛАДА

Вибрируя с похмелья,
Как листик на ветру,
Я ненавидел зелье
В отеле поутру.

И вовсе павши духом,
Забрёл, не чуя ног,
В буфет, где Фёдор Сухов
Степенно пил чаёк.

Бурду без укоризны
Цедил на склоне лет
Униженной Отчизны
Блистательный поэт.

И с кроткою усмешкой
Знакомца привечал:
— Чегой-то ты, Олежка,
Тверёзый заскучал...

Я этот говор чистый
Доныне не забыл:
— Вчера такой речистый
И голосистый был...

Как льдины у причала,
Белели облака,
И даже полегчало
От слов его слегка.

Как от чужой молитвы,
Где ладан да елей...
Был Сталинградской битвы
Союзный юбилей.

Была заря вполнеба,
Черёмуха цвела,
Была у нас Победа
И Родина была.

Я нынче с этой прозой
Совсем не ко двору,
Как стёклышко, тверёзый,
Сижу в чужом пиру

И вроде жду чего-то,
Но в собственном дому
Ни выпить неохота,
Ни повода тому...

Кому Иосиф Бродский —
Значительный пророк,
А мне — нижегородский
Дороже говорок!

Кому кусок залётный
Из разных сытых стран,
А мне — разведчик ротный,
Пехотный ветеран.

Певун закваски старой —
Глухих не обличал,
Но Қуйбышев Самарой
Упрямо величал.

И я, моложе вдвое,
Безверием томим,
Безвинной головою
Клонился перед ним...

* * *

Мы русские —
Чистое золото в нашей крови,
И храмы небесные
Видно из наших оконцев,
Поэтому фарта
Хватает у нас и любви
На шведов и немцев,
Канадцев и прочих
Чухонцев.

Поэтому рубимся
С ними в открытый хоккей,
Где с потом, по-свойски
Выходят запретные нюни,
Где ежели ты от рожденья
Ливрейный лакей —
Сперва подучись,
Посиди
На дворцовой трибуне.

А вы, прихлебатели,
Сгиньте, нечистые, с глаз,
Не то сторяча, под сажень
Попадётесь косую!
Мы русские,
И понапрасну
Вы сердите нас,
Краплёные шарики
На жеребьёвках тасуя.

Мы честные битые лбы
На пороге крестим,
Терпенья и здравия
Только и просим у Бога —
За мелочность вашу,
Конечно, в итоге простим,
Но вы-то без нас
Доживите ещё до итога.

* * *

В оккупированной Риге,
В пятьдесят который год,
Спит в тесовой колыбельке
Будущий Народный фронт.

На фасаде Военторга,
От меня в шести шагах —
Улыбающийся Сталин
С ребяёнком на руках.

Краснощёкий ребяёнок
Смел и весел без стыда —
Я таких, как он, счастливых
Не увижу никогда.

Их и нет нигде, наверно.
Только там, давным-давно, —
В оккупированной Риге,
В остановленном кино.

На гуляньях, где бок о бок
Ходим в утренней тиши, —
Москвичи и ленинградцы,
Белорусы, латыши.

Где, худы и большеглазы,
Не поверим никогда,
Что отсюда неизбежно
Разлетимся кто куда.

Волгари и парижане,
Одесситы, пермяки —
По рождению рижане,
Навсегда и вопреки...

Но замкнётся круг внезапно,
И скривит в насмешке рот,
Будто сталинский ребёнок,
Младший брат —
Народный фронт.

* * *

В Арденнах,
Не дождавшись
Доброй воли
От тех, кто наверху,
Эсэсовцы союзников
Мололи
В кровавую труху.

На каски дождик
Сыпал, как из сита,

Дымило от земли.
И даже в горы
Партизаны Тито
С боями отошли.

Парашютисты
«Тигров» не сдержали,
Казалось, всем хана,
Но русские
С размаху так нажали,
Что кончилась война.

Пошли, пошли —
В таком надрывном беге,
Не вкось, а напрямиком,
Что поперхнулись
Лучшие стратеги
Трофейным коньяком.

Попрали подлость,
Утвердили доблесть,
Монтгомери спасли —
И документы
Жукову на подпись
В Берлине понесли.

* * *

Живыми душами заплачено
За этот гром в начале мая,
И надо жить, как нам назначено,
Как в летописях обозначено,
Не прячась и не причитая —
Не плачась, что страна утрачена,
Своих пророков почитая.

Ночной арбуз

* * *

Из чада полуночных именин
Мы вышли в город. Зной сошёл на нет.
Резною дрожью липок и рябин
Был переполнен пыльный лунный свет.
Из глухоты срастающейся тьмы
Мы канули в светящуюся мглу,
И на полжизни разминулись мы,
Когда опять столкнулись на углу.
Мы замерли, друг друга разглядев:
Не знаю про себя, но ты была
Стократ прекрасней всех полночных дев,
Чьи брат и час — таксомотор и мгла.
Мы встали рядом, и слышнее всех
Из-за того, что это мы с тобой,
Дыханья наши беспричинный смех
Объединил в купели голубой.

«Проводишь, может?» — «А с собой возьмёшь?»
Две фразы прозвучали, как одна,
И новый смех, и пыльных листьев дрожь,
И чей-то свет, на зависть, из окна.
«Смотри, автобус!» — «Стой!» — «Спасибо, друг!
Докуда едем?» — Всё равно, вперёд!»
Простились вдруг — и повстречались вдруг,
В реке безбрежной обретая брод.
Раз так, то разлучаться не резон,
Рассвет нескоро, ветер зазнобил —
От скорости спасительный озон,
Как газировка, в нос и уши бил.

«Смотри, мы повернули не туда!
Тогда выходим!» В лампах ртуть и медь.

«Смотри, какая яркая звезда!
А это что?» — «Да это рынок ведь».
Да, это рынок. В арках, как ангар,
Где алюминий запыленный сер,
Где, эхом отдаваясь, как орган,
Гудит подземный кондиционер.
Стократ смелее всех прекрасных дев,
Что на панель и паперть снизошли,
Ты вздрогнула, внезапно оробев,
И глянула в глаза, и мы вошли.

Полночный рынок был похож на храм,
Квадрат размером чуть ли не с гектар:
Неторопливо сор съестной и хлам,
Поскрипывая, вёз электрокар.
Нетерпеливо зёрнышки свои,
Несытостью оправдывая риск,
Клевали сизари и воробы,
Расслышав позади крысиный писк.
Чернела под прилавками вода,
И ты меж ними, странные дела,
Светясь, как та внезапная звезда,
В своих жемчужных босоножках шла.

«Смотри, арбузы!» У дверей тупик:
Спиною привалившийся к стене
Сидел, кемарил друг степей калмык,
Должно быть, видел Пушкина во сне.
«Продай арбуз!» — «Давай трояк, бери».
Разгорячась, за выборы взялись
И выбрали, и прямо от двери
К твоей высотной кухне вознеслись.
«Ну, режь, хозяйка!» Вострый нож в упор.
Но, в полутьме переступив порог,
Уже спала хозяйка, на ковёр
Витые босоножки сбросив с ног.

Спала, как есть, халата не надев,
Счастливо видя самый сладкий сон,

Стократ милее самых юных дев,
Навек нужнее самых нежных жён.
Как хорошо кончался тяжкий день,
Как славно было сознавать, что вновь
Смурную душу наполняет всклень
Последняя надежда на любовь.
Как хорошо смотреть на звёзды ввысь,
Катая в горле подступивший ком,
Как хорошо лететь на лифте вниз,
Куда глаза глядят спешить пешком!

Как сладко думать, что арбуз незрел,
Трояк не деньги и никто не ты,
Едва пучками изумрудных стрел
Произрастут последние цветы!
Едва они распустятся к утру,
Возьмут нас, полусонных, на испуг,
Как щёки, разгорятся на ветру,
Как птицы, разом вырвутся из рук!
Во глубине многоэтажных сот,
Как будто здесь Нью-Йорк или Париж,
Опять напомним, что вернётся всё,
Едва ты на рассвете позвонишь...

* * *

Снег из арки вылетает
В нишу нашего двора,
Выдувает, выметает
Всё, что нам забыть пора.

Наши новости плохие
Снегом преображены,
Снег и мы — как две стихии,
Вроде мужа и жены.

Соберём его по горстке,
Обратим в горчащий прах —

Не хозяйева, но гости
На вокзальных торжествах.

Скорый поезд нас остудит,
По России развезёт,
Успокоит и рассудит,
По знакомым разведёт.

Как любви ликованье
Всё глупее, все слабей —
Шебутное воркованье
Этих белых голубей...

Снег — стихи, да память — проза.
Тихо в доме и светло.
И бесснежного мороза
С неба наискось крыло.

* * *

В самолёте ночном,
Что с разбега сквозь тучи нырнул,
Сотрясая пространство,
Глухое гудение выдал,

Он ремни расстегнул
И невольно к оконцу прильнул,
Ибо Господа Бога
В светящейся дымке увидел.

И спросил его Бог:
«Отчего ты, мол, постный такой,
Что за лютая скорбь тебя
В полночь бессонную гложет?»

И махнув на безверье своё
Задрожавшей рукой,
Он признался, что любит
И спать в самолёте не может.

Прямо так и ответил:
«Напрасные муки терплю,
Раздуваясь, как голубь,
Когда он с голубкой воркует,

Свою нежную женщину
Больше, чем можно, люблю,
И по ангельской плоти её
Моё сердце тоскует.

Ведь не знаю, что будет
Назавтра со мной или с ней,
И куда занесёт нас
Из этих заоблачных далей,

Только всё это мне,
Если проще сказать и ясней...»
И поморщился Бог
От обилия грешных деталей.

Укротил его норов
Коротким движеньем бровей,
Воссиял перед ним на прощанье
Сочувствием мудрым: дескать,

Поздно теперь сомневаться,
Бодрись, не робей,
Но об этой беседе поведай
Ей как-нибудь утром.

Если вдруг засмеётся —
Забудь, не жалея, её,
Ну а если всплакнёт —
То живи, ничего не желая,

Потому что и есть она
Клятое счастье твоё,
И другого тебе за неё
Не положено рая.

Вот и тряс головой он,
Когда завершился полёт,
Вот и ждёт до сих пор он,
Дрожа по утрам у порога:

«Разбужу, расскажу, поцелую —
И вдруг не всплакнёт?
Как по-новой растрогать
Сурового Господа Бога?»

* * *

Ах, с кем я был знаком,
И кто со мною дружен —
Не всё ль тебе равно,
Какая это дурь!..
Я так тебя люблю,
Что мне никто не нужен —
Парижские цветы,
Берлинская глазурь.

Я другу позвоню,
И мы пойдём по пиву
В японский Sony Center,
На свет стеклянных стен,
И на пути назад
Мы встретим кинодиву
На площади в снегу
По имени Марлен.

Она прищурит глаз
И скажет: «Ах, мальчишки,
Нельзя же так... гулять.
Позвольте прикурить!»
И мы начнём искать
Достойные мыслишки,

Чтоб с ней наперебой
Всерьёз поговорить.

Мы скажем: «Славен мир,
Где можно, фрау Дитрих,
Так просто встретить Вас
И время победить —
Таких, как Вы и мы,
Ни Бонапарт, ни Гитлер
Ни в чём и никогда
Не смогут убедить!

Не смогут одолеть
Ни скорби нас, ни войны,
Такая это блажь,
Что ничего не жаль,
Но счастье — видеть Вас,
И мы его достойны,
На площади Марлен,
Сквозь воздуха вуаль...»

Нас в двадцать первый век
Вернёт отельный турок,
Рукою показав,
Что здесь недалеко —
И только в горле ком,
И в кулаке окурок,
Да свежее, как снег,
Пшеничное пиво.

Куда она ушла
И где теперь ночует —
Не всё ль тебе равно?
Судьба или вина —
Сценарий утверждён,
И до утра врачует
Меня твой тихий свет,
Как свечка у окна.

Я столько лет живу
В твоей внезапной власти,
Зову, ищу и жду,
Счастливый человек —
Мой эпизод отснят.
Угломонились страсти.
Над площадью Марлен
Рассветный тает снег.

ДВА ПЕРЕВОДА

1. Лили Марлен

Возле казармы
У больших ворот,
Девушка парня
На свиданье ждёт —
Под старым тусклым фонарём,
Где я стоял с тобой вдвоём,
Моя Лили Марлен.

Одни в целом мире
Среди тревожной тьмы,
Как навеки были
Верны друг другу мы,
И кто нам скажет, чья вина,
Что разлучила нас война,
Моя Лили Марлен?..

Храни, Божья Матерь,
В ночь и до утра,
Когда капрал-приятель
Крикнет, что пора,
Когда в дыму передовой
Опять увижу облик твой,
Моя Лили Марлен.

Я в туман могильный
Лягу ни за грош,
И на склеп фамильный
Мой окоп похож,
Но как я верил,
Что растопит лёд,
Твой полный нежности,
Горячий рот,
Моя Лили Марлен...

Если начнётся
Рукопашный бой —
Вряд ли придётся
Увидеться с тобой.
Ах, кто тогда к тебе придёт
И встанет у больших ворот,
С тобой, Лили Марлен,
Моя Лили Марлен?

2. Сундучок

Памяти М. Дитрих

Есть у меня в Берлине сундучок,
А что я в нём держу — о том молчок:
И детский лепет, и женский трепет
Хранит в себе старинный этот сундучок.
Мерцает мой берлинский сундучок,
Как будто в океане маячок,
Улыбкой манит, магнитом тянет,
Ко мне домой велит вернуться сундучок.

Хорошо в Париже жить на Руа Мадлен,
В летних сумерках бродить
Возле римских стен
И под плеск дунайских волн
Слушать венский вальс,
Но к себе зовёт Берлин — и меня, и вас...

Там ждёт меня заветный сундучок,
Мне кажется: послышится щелчок,
Ключ повернётся, и всё вернётся,
Едва откроется волшебный сундучок,
Засветится в ладонях сундучок,
Внутри его завертится волчок,
И всё покажет, слова подскажет,
И путь домой найти поможет сундучок —

В Лунапарк и Велленбад, к медвежатам в Зоо,
В город мира и добра, одолевший зло,
Где по улицам всю ночь я опять брожу...
Дети, как хорош Берлин, я вам расскажу...

Играет музыкальный сундучок,
Как будто дует в дудочку сверчок,
И жизнь проходит, но боль отходит,
Как только вспомню
Про берлинский сундучок:
Как долго ждёт мой верный сундучок,
Что цокнет по асфальту каблучок —
И больше вдвое люблю его я
За всё, что он сберёт, мой сундучок.
Ich hab noch einen Koffer in Berlin,
Есть у меня в Берлине сундучок...

* * *

Когда из уваженья и печали
Мы на прощанье вежливо молчали,
Скончавшемуся веку вопреки,
Казалось, не в конце мы, а в начале,
И в уши нам приветственно кричали
Маршировавшие штурмовики.
Текли колонны на Восток и Запад,
Вдыхать пороховой, мертвящий запах,
Бежать в атаку, вздрагивать при залпах
И с маху в землю всаживать штыки,

Судить царей и куролесить в храмах,
Комедии ломать, забыв о драмах,
И несогласных прятать в хлорных ямах,
Как санитары и боевики.

Но археологическая рейка
В руинах восстановленного рейха
Маячила по-мирному вполне,
И мнилось: так бывает очень редко,
Чтоб на пути от Изара до Рейна
Тебе напомнил кто-то о войне.
Поскольку времена пришли иные,
Когда средневековые пивные
Во благо пивникам, а не в укор,
А факела и выкрики хмельные,
Как привидений пятна кровяные,
Не более чем маска и декор.
Не более чем крик совы полночной
В ажурном замке над канавой сточной,
В чистейший превратившейся ручей
Стараньем и умом науки точной,
В Баварии, курортной и цветочной,
Где бродишь ты, приезжий книгочей.

Где, шевеля дыханьем воздух жаркий,
Ты смотришь в небосвод, иссиня-яркий,
С тугими завитками облаков,
Подмокший снег топча в австрийских
Альпах,
И не желаешь знать о вражьих скальпах
С дырой в душе на рубеже веков,
Где всё равно на расстоянье трости
Удалены хозяева и гости,
Поскольку не друзья и не враги —
Приветливая точность в каждом тосте,
Проверенные фразы, будто в ГОСТе,
Когда снаружи ни любви, ни злости:
Мол, помни долг да совесть береги.

Закончен век, великий и лукавый,
Преображеньем признан бой неправый,
Со всей своей пальбой и бранной славой,
Поскольку нам победа не нужна,
А лишь бы устоять в смятенье новом,
С дырой в душе, посильным добрым словом
Снимая боль, как добрая жена.
Давай из уваженья и печали
Поговорим с тобою, как вначале,
Сто лет назад, и маятник качнём,
Посмотрим в небо звёздными ночами,
Все перечтём, о чём не промолчали,
Перечеркнём и заново начнём.

* * *

У последнего шрама великой войны,
Акварельных развалин берлинской стены,
Сохранённых руин огражденья
Поперёк побеждённой когда-то страны
Постоим, не ища снисхожденья:
Мы такие как есть от рожденья,
Мы по-детски не знаем вины.

Был наш пройденный путь не велик и не мал,
И когда термоядерный градус упал,
Понимания срок постепенно настал:
Что-то вроде взаимозачёта —
Контур зимнего солнышка нежен и ал,
И, как русское общество «Мемориал»,
Кирха прусского кайзера — в зоне почёта.

У последнего шрама великой войны
Эти новые немцы стройны и скромны,
Но всю неустанно клепают
Городского модерна казённый уют,

На ТВ свои новые песни поют,
Деловито свиные хот-доги жуют
И везде котлованы копают.

Весь Берлин как огромный парадный дворец,
Каждый дом — как укромный нарядный ларец
Скоро будут, а каждая площадь
Этажей обнажённым стеклом заблестит,
О толкучке людской втихаря загрустит,
И скворец по-хозяйски весной засвистит
В каждой пронумерованной роще.

У последнего шрама великой войны
Примерещится лагерный лик сатаны,
Засбоит на мгновение хронограф,
Но, как будто на кладбище, с разных сторон
Зашевелится готика мёртвых имён
В дрожи тёплого воздуха новых времён,
Где с фасада рейхстага в музей удалён
Рядового Смирнова автограф...

И посланцем от всех
Победивших племён
Только ты,
Одинокий фотограф.

* * *

Над Северным Рейном
Недвижно парят облака,
Над Северным Рейном
Мрачнеет душа славянина,
Хоть Рейн против Волги
Не очень большая река,
Не больше, чем Кама,
А может быть, даже Ока,
Хоть дышит покоем
Нерусская эта картина.

Листву раздвигают
Короткие крылья креста,
И вровень с волною
Буксиры ползут и баркасы
Туда, где когда-то
Горбатые арки моста
В отместку за Лондон
Снесли королевские асы.

Чтоб эти утёсы
И эту косматую ель
Увидеть, от лёгкого
Здесь пива хмелея,
Не стоило ехать
За тридевять дальних земель —
Достаточно было
Стихи прочитать «Лорелея»...

И этот узреть
Над руинами памятный крест
Сподручнее было,
Нерусскую книжку листая,
Гроши экономя
И тысячу мюнхенских мест
На зланных прогулках
По Сызрани не пропуская.

Мрачнеет душа —
Наступает раскаянья час,
Теряет окраску
Нутро золотого стакана —
Зачем это куплено
Фирмою Siemens для нас,
Зачем это вам,
Земляки и соседи Вакано?

Неужто меж нами
Какая-то ниточка есть

С петровских времён,
Что внезапно в груди засвербила —
Скакали гонцы,
Принося долгожданную весть,
Витийствовал Фридрих,
Россия царицу любила?

Неужто досель нам
Взаимный размер по плечу,
Коль в страшном бою
Коммунары не стали рабами —
За это в часовне под Пензой
Поставим свечу,
Помолимся в Кёльнском соборе,
Где пахнет гробами,
Как будто в проветренном погребе
Пахнет грибами...

Поднимем стаканы и выпьем,
И снова нальём —
За наши равнины,
За наш обжигающий ветер,
И с фирмою Siemens
Нерусскую песню споём
О том, как недолго и горько
Живётся на свете.

* * *

Фактически мама,
Гонима девичьей кручиной,
По-детски не зная
О буднях войны ничего,
На фронт добровольно
Пошла за любимым мужчиной,
Как будто надеялась
Где-нибудь встретить его.

Фактически рядом
Вели их пути и дорожки,
Под стук эшелонов
Катились их краткие дни.
Но прямо с вокзала —
Обстрелы одни и бомбёжки,
А вместо свиданий —
Цензурные письма одни.

Фактически в темень,
Где небо не больше овчинки,
Из сельских проулков
Их адские звали огни —
Отважно сверкнули,
Как две золотые песчинки,
Коснувшись друг друга,
Навек разлетелись они.

И в смерче страданий,
В купели, горящей и грозной,
Чьи в небе над ними
Три года дымились края,
Фактически слишком
Влюблённой была
И серьёзной
Фактически девочка —
Юная мама моя...

* * *

Последнее дело — стихи объяснять человеку,
Которого любишь, когда невозможно рукой
Махнуть на него: мол, осваивай библиотеку,
Оставь, мол, в покое — на что тебе этот покой?

Он болью твоей, задохнувшись, ещё не болеет,
Он глух и неопытен, он ни о чём не просил —
Простившись, уйдёт и тебя самого пожалеет:
Мол, столько потрачено денег, здоровья и сил!

И столько ненужного сказано в глупом запале,
И столько изорвано начатых строчек в клочки!
Он ждёт потрясения: смотри, как пытливо запали
В большие глазницы его молодые зрачки!

Он скудно живёт, но по-своему счастлив и весел,
Тепло и легко ему в этом сермяжном раю,
Он душу свою по ошибке измерил и взвесил,
И мнит, что постигнет безмерную душу твою...

С такою хворобой его не отправишь в аптеку,
Но если расстанетесь — лучше тебе не найти!
Последнее дело — стихи объяснять человеку,
Но если полюбишь, захочешь и это пройти.

* * *

Я буду самым лучшим,
Долю свою кляня,
Пока ты меня любишь,
Пока ты любишь меня...

Я буду самым смиренным,
Даже, на грех и смех,
Мирным, безгласным, сирым —
Словом, не хуже всех.

В снах твоих затеряться,
Весь белый свет виня,
Лучше, чем задираться,
Пока ты любишь меня.

Но день придёт, я знаю,
Когда ты махнёшь рукой
И, душу облив слезами,
Я обрету покой.

Как если бы ветер дунул
В ранние холода,
Я всё скажу, что думал,
Об этой жизни всегда.

И всё я свершу с горя,
Что мне теперь по плечу,
Вещему эху вторя,
И о тебе промолчу.

* * *

В клубах тёплого света
Птичьих крыл пролетающий шорох.
Скороспелое лето —
Как сирени наломанный ворох.

Будто сон наяву,
Где любимая тихо разделась.
Раздвигая траву,
Земляника с кислинкой зарделась.

Связки лодок висят
На канате, как шкурки соболя,
И как норы лисят —
С подземельями горы Соколя.

Эта воздуха дрожь —
Лишь поддашься — далёко уводит.
Приближается дождь
И, едва задевая, уходит.

И вздыхаешь с трудом,
Ибо запах цветов незнакомый
Пышет роскошью в дом,
Словно сам ты какой насекомый...

И повсюду течёт,
Будто буквы
В письме без помарок,
Преждевременный мёд —
Скороспелого лета подарок.

* * *

Вдали от кунсткамеры
Невской столицы,
Где брезжит во мгле
Императорский шпиль,
Чапаевской шашкой
Поручик Голицын
Навеки снесён
В приовражную пыль.

И возле развилки
Дороги смоленской,
Увы, завершён
Исторический спор:
Бойцом продотряда
Корнет Оболенский
С залётной тачанки
Застрелен в упор.

И кто же не рад,
Что стерпела бумага
Длиннющий роман
И сценарий при нём,
Но к дедушке Нобелю
Доктор Живаго
Навек и, увы,
Не попал на приём.

* * *

По мусорке бродит крысёнок,
Разъевшийся, как поросёнок,
Спрошу его с болью уместной:
Что видел ты в жизни окрестной?
Железные баки с помойки,
А есть аквапарки и мойки,
С оставшейся грязью бутылки,
А есть стадионы и цирки,
И вузы при них, и союзы,
Где гурии вьются и музы,
Витражные арки музеев,
Шедевры нудистов и геев!
И в кордебалете нимфетки,
Прелестные, будто конфетки,
И полные сил астронавты,
Отважные, как аргонавты...

А ты пожираешь объедки
В своей загазованной клетке,
Буквально с упорством звериным
Загнившим давясь протеином!
Покончи же с пошлостью этой,
Туризмом займись и диетой,
Глотни кислороду без страха,
Восстань из смердящего праха!
Но, с мелкой покончив морковкой,
Он только качает головкой:
Меж ваших розанов и примул
Ты сам на себя посмотри, мол...

* * *

Неяркий этот день уму и сердцу
Нежданным потрясением грозит:
Она войдёт и, как в темнице дверцу,
Всё бытие твоё перекосит.

Приговорит внезапно быть счастливым!
Сорвёшься, за ручонку дочь таща,
Туда, где, как свечой, подсвечен ливень
Пунцовым пластиком её плаща!

Успеешь обвести победным взором
Все беды, что теперь тебе грозят:
Недаром под зелёным светофором
Пред ней таксомоторы тормозят.

* * *

Эти прибрежные сосны и рижские шпильи,
Эти проплешины серой, сырой земли
Равными силами душу мою лепили,
В равных пропорциях в душу мою легли.

На черепицу промёрзшую соль роняет
Ветер морской, вырываясь из каменных недр,
И островерхие крыши по небу ровняет
Детство моё, словно средних веков геометр.

Взрослые годы совсем по другой программе
Прожиты: вьюгой морозною жгла зима.
Брежжат на доньшке, как на рентгенограмме,
В дымке дождя проступающие дома.

* * *

В Студёном овраге под Лысой горой,
Дождливого лета блаженной порой
Высматривать дачные сотки
Слетались на мётлах красотки.
Стоял тормозов нескончаемый шип:
У каждой румяна, охрана и джип,
Развод и ребёнок в остатке,
Любая валюта в достатке.

И вдруг нереально, как будто во сне,
Летунья одна обернулась ко мне,
Ночная нечистая сила,
И как мне живётся, спросила.
Полмига и вечность смотрела в упор,
Как я, задрожав, подпираю забор,
В сверкании солнечных пятен —
И смысл становился понятен.

Что в давнюю зиму, стервец и наглец,
Я должен был с нею пойти под венец
И чудом от порчи не помер,
Но так ничего и не понял.
Что в чёрный денёк, полвосьмого утра,
Я должен был ей дозвониться сперва,
В окошко её постучаться,
А после куда-то помчаться.
Но вышло как вышло, и, в этом вина,
Она полвесны не прощала меня
В палате районной больницы,
Вдали от Монако и Ниццы.
Но время пришло прилететь и спросить,
Пора ли в компьютер меня заносить
Меж тех, кому светит награда,
И вдруг я ответил: «Не надо...»

И стало тут ясно, что в жизни второй
Немало я прожил под Лысой горой,
Где в сумерках тени троются,
Чтоб здесь никого не бояться.
А только лишь ту, что с работы вот-вот
С кулёчком пакетной сметаны придёт
И спросит с оттенком тревоги,
Откуда следы на дороге.

Разъехались джипы, и долго у ног
Попыхивал серным дымком костерок,
И пахли остатками браги
Сопревшие листья в овраге.

* * *

Где зимуют соловьи?
Я не знаю. Кто-то знает?
От зари и до зари
В краснотале заливает

Распалившийся малец,
Над людским колдуя слухом,
Божьей милостью певец,
Плоты капелька под пухом.

Тут чему ни уподобь —
Правильного нет названья:
То весной капли дробь
Или пузырьки в нарзане,

То чечётка, то рожок,
То ручей, что в травах плещет,
Как на ветерке флажок,
Его горлышко трепещет!..

Чудом не сведёт с ума,
Боль сердечную расплавит,
Но приблизится зима —
Где он крылышки расправит?

Без него, поймите ж вы,
Так придётся одиноко...
Где зимуют соловьи?
Может, где-нибудь в Марокко?

Может, двинем к ним тогда
Перелётными ночами,
Наши Новые года
В аэропортах встречая?

Упаковывая грусть,
Что никто нас не проводит,
Мы ещё в порядке, пусть
Снег идёт и жизнь проходит.

Заведём повторный счёт —
Вроде замкнутого круга,
Где любовью мы ещё
Не домучали друг друга,

С видом старых забияк
Станем маяться отважно...
Вам неважно, что и как?
Мне, представьте, очень важно.

Эта свадебная трель
Отдаётся гулким эхом,
Как серебряная дрель
Со слезами и со смехом!

Не вздыхайте: «Це ля ви» —
А на выручку спешите!
Где зимуют соловьи?
Если знаете, скажите.

* * *

Вновь непогода распускает нюни,
Заводит ветер игрища свои,
И представляешь: посреди июня
В посёлке приумолкли соловьи.

Под яблонями с крепнущим наливом
Свои дела решая без конца,
Они каким-то искренним наивом
Лечили предынфарктные сердца,

Из прежней полутьмы куда-то к свету
Тянули за собой во цвете лет:
Другие всё поют, а этих нету,
Но от других-то облегченья нет.

И «маски-шоу» командир отряда,
И коммерсант, что ко всему готов,
Притихли, каждый за своей оградой:
Есть шашлыки, но нету соловьёв.

А если нервы к сентябрю ослабнут,
Реформа расшвыряет, как котят,
Чижи сдадут и зяблики озябнут,
А если снегири не прилетят?..

Как по команде, вытянулись лица:
Каких специалистов пригласить,
Ведь ничего не понимает птица,
Не приплатить ей и не пригрозить.

И пусть магнитофон врубают детки,
Рекламой пышет радиоэфир:
Она молчит — и жизнь дерьмо и деньги,
Она поёт — и расцветает мир.

Неужто жить нам по процентам ставок:
Без друга, без футбола, без жены,
Неужто за грехи свои вдобавок
Мы этой благодати лишены?

Неужто никому спасенья нету,
Какой всё это начал идиот...
И вновь прогноз плохой по Интернету,
И снова на рассвете дождь идёт.

* * *

В дачном нашем парке,
Как на барахолке,
Утром груши светятся,
Как лампочки на ёлке.

И хоть божьим летом
Нет плохой погоды —
Всё грустнее дождики
Водят хороводы.

От наливки вечером
Лик любимой светел,
Но, как пёс у Бунина,
Завывает ветер.

Душат академики
Будущих Коперников,
И берут пенальти
Вратари соперников.

* * *

Не бывает у одежды дождь,
Но бывает у дождя одежда —
Как бывает у надежды дождь,
И бывает у дождя надежда.

Картошқа

КОЗЕЛЬСК

Пыль столбом да пожары,
Как глянешь окрест,
По оврагам лошажи мослы.
Всё, что искренне хану ответил Козельск,
Передать не решились послы.
«Мол, не сиживать нечисти в нашем дому,
Мы кремень, а не пепел в печи,
Даже ежели тысяча сто к одному
Ваши стрелы и ваши мечи.
Мы за Русь напоследок булатом сверкнём,
Наши души спасём, а не плоть:
Столько ваших голов косоглазых свернём,
Сколько нынче поможет Господь».
И по-волчьи от гнева присела орда,
Заорав, запалила огни —
И не стало на свете Козельска тогда:
Головёшки в раскопе одни.

Мы над ними теперь на коленях стоим,
Водим кисточкой мы по костям,
Разбираясь с добытым величием своим,
Доверяясь забытым страстям.
И гонцы иноземные нам не указ,
Полумесяцы их и кресты,
Ибо пращуров совесть и память у нас,
Как льняная рубаха, чисты.
Ибо пажити наши и нивы тучны,
А знамения наши просты,
Но и камни у нас
Крепостные прочны,
И разящие копья остры.

Только всё-таки кажется нам иногда,
Как в предчувствии доли иной,
Что опять перед нами злодейка-орда
И горящий Козельск за спиной...

КАРТОШКА

Презрение к судьбе выражаю,
Воскресные муки терплю —
Весною картошку сажаю,
Вставными зубами скриплю,
Сравнениями не унижаю,
Давлю силиконовый крем,
Хриплю — и картошку сажаю,
Колхозников хаю и Кремль.

Хотел бы искусство к народу
Холёной рукой приближать,
Отечество петь и свободу,
Но нужно картошку сажать,
Лопатою пласт поднимая,
Горбом добывая еду,
Заместо Девятого Мая
В сельхозополчение иду.

Я знаю, что спросит Держава,
Лукавству не веря и лжи:
— Когда учинялась расправа,
Где был ты, служивый, скажи!
Когда твоих братьев убогих
Вели совершать беспредел,
Ты, избранный мною из многих,
Куда малодушно глядел?

Почто, распроклятое чадо,
Душою удар не сдержал?
Отвечу: «В преддверии ада
Весною картошку сажал...»

И спросит Господь, утирая
Покрытый испариной лоб:
— Но ради какого ты рая
Старался, зануда и жлоб?

Во имя чего бессердечно
Тщедушную славу стяжал?
— Всё так, — я отвечаю, — конечно,
Но я же картошку сажал...
В России стриптизно-киношной,
Естественно, не ко двору,
Мешок с семенной картошкой,
Кряхтя, на заливку беру,

Проклятьями не угрожаю,
Червонцы в карман не сую
И только сажаю, сажаю,
Сажаю картошку свою...

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Мы в наследство получили
Этот казус роковой:
Льва Толстого отлучили
Нам от веры вековой.
Вроде что же тут такого,
Что сегодня из того?
Но ведь это Льва Толстого,
А не прочего кого!
Дело давнее, понятно
Рассужденье праотцов:
И на ясном солнце пятна
Могут быть, в конце концов!
Но для внуков просто драма,
Прямо пухнет голова:
Без Толстого — как без храма,
Без владыки — как без Льва...

Ах, видать, тщету мирскую,
Подноготную людскую
С графским титулом старик
Святотатственно постиг,
Ибо, проявляя резвость,
Отскочил в сторонку бес,
И сошла земная ревность
На сподвижников небес...
Сам не знает люд учёный,
Кто сегодня Лев Толстой:
Он и грешник отлучённый,
Он и светоч наш святой.

НИКОЛА ТЕСЛА

У институтской физики дефект
Нашёлся в наше время, если честно:
Альберт Эйнштейн открыл фотоэффект,
А то, что сделал Тесла, неизвестно.

Но знающие люди говорят,
Что стала вроде глиняной твердыни
Гипотеза про «Е-Эм-Це-квадрат»,
А дело Теслы побеждает ныне.

Небесной дивной силы благодать,
Как Прометей, он, зная дело туго,
Обрёл, но побоялся людям дать —
Решил, что поуродуем друг друга.

Видать, подумал, что слетит Земля
В тартарары —
С катушки индуктивной,
Когда кроить магнитные поля
Начнёт наш светлый разум
Коллективный...

Что тут сказать?
Наверно, гений прав:
Он выше наших недоразумений,
Хотя и непростой имеет нрав —
На то, напомним,
Он у нас и гений.

А то, бывает, прекратив обман,
Додумавшись до честного ответа,
Какой-нибудь прозреет Цукерман,
И мы его всех звёзд лишим за это.

Но, гласности хватив по самый край,
Живём подобно ёжику в тумане.
В Сорбонне говорят: в музейный рай
Отдали Теслу инопланетяне.

И там они с Гагариным сидят,
Поёт Высоцкий им
С бессмертным хрипом.
И как мы тут, без них теперь,
Следят,
То птичьим, то свиным
Болеем гриппом.

* * *

Я не знаю, как она зовётся,
Впрочем как её ни назови —
Силе уступает, но не рвётся
Тонкая материя любви.

От неё и в полных безнадёгах,
Где развод, разлад или разлёт,
На вчерашних ранах и ожогах
Розовая кожа растёт.

* * *

Ненастная осень 2009 года:
Как будто раскрылись
Со скрежетом ржавые двери
И крепнущим холодом
Нас обдаёт непогода:
Всё круче промозглая темень,
Всё зримей потери.

Давно ли ты «Кроненбург»
Пил в изумрудном Париже,
Церквам в Ярославле
Рукою махал с парохода,
А нынче всё в прошлом,
А нынче всё ближе и ближе
Суровая осень 2009 года.

Где, молча прослушав
Истошные наши тирады,
О нас вспоминает держава
К последнему сроку,
Супругам и детям
Вдогон выдавая награды,
Как паспорт на выезд
Вручала усопшему Блоку.

Смотри, как некстати
И как всё не вовремя это:
И пёстрые листья,
И конских каштанов кожурки,
Когда лишь вчера,
Расхищая сокровища лета,
Мы солнца следы целовали,
Как вольные урки!..

Когда лишь вчера,
Завещая отцовскую славу,
Нам вечную жизнь
От души обещала природа!

А нынче навстречу идёт,
Предвещая расправу,
Короткая осень 2009 года.

Где, как по команде,
Друзья отвернутся с врагами,
И в чад преисподней
Земля поползёт под ногами.

* * *

Навек опоздав в золотые края
Уйти с перемётной сумой,
Мы в дачном посёлке — таджики и я —
Живём беспросветной зимой.

Мы с чёрною долей —
Как братья с сестрой,
Но я ни о чём не скорблю:
Они с октября завели долгострой,
И я тут полгода скриплю.

Здесь встал самосвал,
Как баржа на прикол,
Здесь воздух дрожит, как слюда:
В аптечных заначках иссияк валидол,
В бадейках замёрзла вода.

И в сумерках наш не даёт неуют
Поверить ТВ до конца,
Что где-то буржуи бананы жуют,
Шунтируют людям сердца.

С томительной негою связан ночлег,
С мерцающим пурпуром роз.
Здесь волжским дыханием
Выветрен снег,
Под утро за тридцать мороз.

Но всё я поставил на долю свою,
С январской душой человек,
Чаёк из пузатого чайника пью,
Ломаю подсохший чурек.

Ничуть не жалея,
Что славил свой край,
Прибежище майских дриад,
Конечно, не южный,
Бесспорно, не рай,
Но всё же, поверь, и не ад.

Я, в сущности, так благодарен ему,
За то, что он в пору тревог
Мою, на колёсиках, с ручкой суму
От трапов чужих уберёг!

За то, что терпеть не устала душа,
И я с ней ещё потерплю:
Таджики колотят по крыше, спеша
Вернуться домой к февралю.

Гортанно кричат на прощанье, а я,
У них не поняв ничего,
Навек позабыл про чужие края —
Мне хватит по гроб своего.

* * *

Нынче ночью товарищ мой
Был у меня в гостях:
Мы играли с ним в баскетбол
И смотрели кино.

А ведь он всю жизнь
Передвигался на костылях,
Да и умер Толя Ардатов
Уже давно.

СОНЕТ О СОКОЛЕ

Прежде, бывало, подумать не смели
О победительной этой потехе:
Разом взялись прессовать пустомели,
И подъедать принялись пустобрехи.
Видимо, поняли, что ненароком
Хворости-горести силу забрали —
То-то, слетевшись,
Набросились скопом:
Пешего сокола галки задрали!

Соколу едкая домыслов копоть
Душу дерёт, но он вида не кажет —
Сокол последнюю ненависть копит,
Ох, он словечко своё ещё скажет:
Вспомнив на миг
Свой стремительный опыт,
Облако подлою кровушкой смажет...

* * *

Коль нет за душой ни звезды, ни креста,
Пора подаваться в родные места:
Уважив чужой монастырский устав,
Плешивых наставников слушать устав.
Кто хочет другого, воюет пущай —

Прощай, моя Рига! Мой Киев, прощай!
Навек вы прописаны в сердце моём:
С Берлином, Парижем и Похвистневым.
И равно владеете сердцем моим
С Брюсселем, Палермо и Похвистневым.

МОНОЛОГ ИНВАЛИДА

Выкинули на свалку
Инструментарий мой:
Места им стало жалко
В собственной мастерской!
Надфили, свёрла, плашки —
Ясно, что всё старьё;
Чтоб разложить по ящикам
Новое, но своё...

Эх, говорю, коллеги,
Это же полный мрак:
Пусть даже мы калеки,
С нами не дело так!
Шеф наш,
Большой, как Сорос,
Мать его перемать,
Вас похвалил за скорость,
Премировал, видать...

Профи молчат угрюмо,
Мой им понятен шок:
«Ты, мол, того, не думай...
Лучше на посошок...»
Я понимаю: трудно,
Ибо расклад иной.
Но вышивать не буду.
Зря они так со мной.

* * *

Вл. Абрамову

Два ангела тихо вздыхают,
И воздух легонько дрожит:
— Ну, как твой?
— Блажит и бухает.

— А мой-то с insultом лежит.
Никто ничего не добился
И почестей не раздобыл.
— А мой, представляешь, влюбился.
— А мой, говорит, разлюбил...
Как будто имеет значение,
Что втайне лампадки горят:
Два ангела, два огорченья
Негромко про нас говорят.
Печалюсь, как взрослые дети,
Как жёны, в конце-то концов,
Как будто пред кем-то в ответе
За бывших мужей и отцов.
Как будто мы что-нибудь прячем
До солнышка в призрачной мгле,
Как будто мы что-нибудь значим
Сегодня на этой земле.

* * *

Где ж вы, красавицы лесные,
Горлицы да иволги мои,
Вешние артисты записные,
Чижики, щеглы и соловьи?..
Мне б хватило такта и терпенья
С радостью послушать в эти дни
Ваше щебетание и пенье,
Но в округе бройлеры одни.

Закрывает пластик тес и брёвна,
Прочно зарешечено окно —
Словом, от всего воротит, словно
От миллионеров в казино.
И от обертонов мало толку,
Ибо сорван слух и сдавлен дух:
Голосят повсюду без умолку
Воробьи, вороны да петух...

* * *

Послышалось, что ты зовёшь меня —
За пеленою нынешнего дня,
Как будто не сказала, что зайдёшь,
Зачем — сама не знаешь, но зовёшь.
Послышалось, что ты меня зовёшь —
То имя, еле слышно, назовёшь,
То выбросишь ключи в окошко вслед,
То выпросишь, чего на свете нет,
И я, как по светящемуся льду,
Из темноты на голос твой иду...

* * *

«Как жизнь подытожить?» —
Просил я совет,
И ангел, сойдя к изголовью:
«Спасёшься любовью, —
Оставил ответ, —
Спасёшься любовью...»

* * *

Будто из трамвая выбросил
Кто-то грубо и неловко,
Пятихатку будто выпросил,
А в руке — пятирублёвка.
У ранетки в узкой юбочке —
Сладострастная натура,
В шоколадной хрупкой рюмочке
Не ликёр, а политура.
Будто купола над зоною
Кроет кто-нибудь другой
Не сусальным чистым золотом,
А конфетною фольгой...

* * *

Что у нас сегодня с небом?
Молча подождём:
Вешний это дождь со снегом,
Зимний снег с дождём?..

Ничего не происходит,
Время достаёт:
Это молодость проходит,
Старость настаёт.

Как отцовской папиросы
На созвездьях след —
Полудетские вопросы.
А ответов нет.

* * *

Посиди поспокойней
И поулыбайся гламурно —
Нерекламную живопись
Ради тебя возлюбя,
Я портреты моделей
Д'Орсе, Третьяковки и Лувра
В портативном компьютере
Переведу на тебя.

Прочитай мои прежние
Книжки от корки до корки,
Позолоту восторгов с них
Алым ногтём соскребя:
Я шедевры Шекспира,
Ронсара и Гарсиа Лорки
Электронным фломастером
Перепищу на тебя.

Стариною тряхну и
Мошну растрясу без вопросов,
Ретрансляторы выставлю
Каждой дороги обочь —
Чтоб Шаляпин и Дитрих,
Синатра, Пиаф и Утёсов
Про тебя, моя радость,
По радио пели всю ночь.

На сверкающих дисках
Размножу свои монологи и
Твой сияющий облик
На весь разнесу белый свет —
Чтоб презрев нано-, фемто-
И прочие, блин, технологии,
В ближнем Космосе Славы
Любовь разместил Интернет!

АКАДЕМИЯ

Здесь друг на друга точат зубы
Друг друга ненавидят просто,
Академические зубры,
Академические монстры.
Конфликтов раздувают угли,
Общественный пирог кусают —
Академические джунгли
Утробным рыком сотрясают.
Ты мимо них своей дорогой,
Весёлый ты или угрюмый,
Иди и никого не трогай,
Иди и ни о чём не думай...

* * *

Кто не спускал обид
Клеветникам ничтожным,
Возлюбленных любя,
Спокойствие храня,
Не верил наглецам
И словесам подложным —
Пусть бросит бумеранг!
И попадёт в меня.

* * *

В ней столько
Сирени, любви, соловьёв
И столько нечаянной сладости...
Поэзия — женщина, сила её
В красоте и слабости.

Внезапная, как городская гроза,
Хоть солнце
Прогнозом предсказано —
С ней всё, что придумано,
Глядя в глаза,
Как будто ни разу не сказано.

Безгрешная, как молодая жена,
Гуляет по краешку вечности
И верных мужей охмуряет она,
Беспечная до бессердечности.

Служить мы ей призваны,
А не грозить,
С порога выбрасывать вещи и
Тем более косноязычьем грузить
Её откровения вещи...

ПЕТРОВ-ВОДКИН

Трепеща душою снова
В познавательном азарте,
Я про Водкина-Петрова
Вспоминаю на Монмартре.
И азартные познания
Сердце греют, как отрада
Первомайского сиянья
Красной Пресни, Петрограда.

Если в звании поэта
Каптенармус из обоза,
То поэзией согрета
Вся казарменная проза.
Если видит в мире этом
Он одно непостоянство,
По лекалу зыбким светом
Моделирует пространство,
То у этого марксиста
Замечательные гены:
Не Сезанна, так Матисса,
Не Писарро, так Гогена...

Ах, Петров товарищ Водкин,
Революции стилист,
В полевой косоворотке
Ясноглазый портретист!
Ты не зря свой серп и молот
Красил в разные цвета —
Без тебя Париж неполон,
И Москва не та, не та...

* * *

Гора через дорогу,
Кривого клёна ствол.
Что рисовать Ван Гогу?
Дорогу, койку, стол.

Как русскому пол-литра,
Лекарство в трудный час —
Дрожит в руке палитра,
Но беспощаден глаз.

Предметные примеры
Убогость и тщета,
Но есть ещё размеры,
Пропорции, цвета...

И под коростой масок
Заплывшие мозги,
И на контрасте красок
Летающие мазки.

Шипит соседка-дура,
Мешает ветра гул,
Горит огнём натура:
Кровать, окошко, стул.

И у врача в застенке,
Слоями изнутри,
На простеньком простенке —
Сокровище зари...

Как никому достался
Невыносимый дар —
Как перст, один остался,
Но выдержал удар!

Как русский заключённый,
На бирке номерок,
Из рамки золочёной
Уставился Ван Гог.

Стучит хронометр «Мозер»,
Бессмертья ждут холсты.
...А русским был бульдозер
За это и «Кресты».

* * *

А жизнь кончается,
Кончается, кончается,
Как долгожданный летний
Отпуск под дождём,
И срок приходит
Огорчиться и отчаяться,
Но мы давай ещё
Немного подождём.

НОЧНАЯ ВЬЮГА

Стучит в окошко вьюга,
Будто скачущий козёл,
И, навалив сугробы
На крыжовник и малинник,
Через трубу на крыше
Задувает мой котёл —
Как свечки на торте
Мой восьмилетний
Именинник.

ДУЭЛЬ

Как рядовой мелкопоместный франт,
Как старый снайпер, заслуживший отдых,
Прости, мартынов ты или барант —
Я знать не знаю, я стреляю в воздух.
Готовили торжественный момент
Могильщики мои в крестах и звёздах —
Экс-губернатор, вице-президент,
Но я не Иорик, я стреляю в воздух.
Пускай у трона жадная толпа,
С мигалками на ауди и волгах,
В других могилах ищет черепа —
Я в дружбе с небом, я стреляю в воздух.

И те бойцы, кого сегодня нет,
И те юнцы, кто брал Кабул и Грозный —
Я голову склоняю вам вослед,
Я тоже ваш, но я стреляю в воздух.
Пусть огорчает перемен тщета,
Велит бретёру пенсионный возраст
Плывать на забугорные счета —
Я не в бригаде, я стреляю в воздух.
Пусть даже та, уже не знаю чья,
Но чей лелею каждый вздох и возглас,
Что хуже поражения ничья,
С улыбкой скажет — я стреляю в воздух.
И ты, соперник мой, напарник мой,
Не трогай ствол, пока ещё не поздно,
Сдавай назад и поезжай домой:
Мы не убийцы, мы стреляем в воздух...

* * *

У юнги Билла стиснутые зубы...
Эту песню пел когда-то каждый школьник
Грубым голосом, казаться взрослым чтоб,
Эта песня про любовный треугольник:
Крошка Мэри, юнга Билл и боцман Боб,
Эта песня про бермудский треугольник:
Крошка Мэри, юнга Билл и боцман Боб.

Красотой обворожительной и юной
Мужиков повяжет Мэри и убьёт —
В клуб придёт потанцевать с румяным юнгой
И в обнимку с толстым боцманом уйдёт,
Танцевать она придёт с румяным юнгой,
Но в обнимку с толстым боцманом уйдёт.

Первый спутник полетит над космодромом,
Призовут мальчишек в армию, на фронт,
Но, как в песне, заливать ямайским ромом

Будет юнга приключившийся афронт,
Как на фронте, врачевать горючим ромом
Будет юнга приключившийся афронт.

В драке он теперь не сдрейфит и не скиснет,
Даже если от измены вздрогнет вновь —
Лишь покрепче, будто в песне, зубы стиснет,
Криминальным конкурентам пустит кровь,
Он, как в песне, веселее зубы стиснет,
Криминальным конкурентам пустит кровь!

Боцман Боб в открытом море при закатах
Усмехнётся, вспоминая эту жуть,
Не жалея о потраченных дукатах,
Будет тоже веселее в дудку дуть,
Не жалея о потраченных дукатах,
Будет боцман на закате в дудку дуть!

Только Мэри, на мгновение хотя бы,
Загрустит о них обоих без стыда,
Потому что даже в молодости бабы
Понимают всё по-своему всегда,
Потому что даже в молодости бабы
Поступают не по-нашему всегда.

ЖЕНА СОКРАТА

Я, Ксантиппа,
Свиrepая маска семейного зла,
Передам впечатленье от жизни
Простыми словами:
Почему я сперва
За дубильщика кож не пошла,
Почему я не вышла потом
За торговца волами?..

Не сварливей и хлеще других
Я когда-то была,
Но чтоб свет озарений
Искать среди сущих отбросов,
Я в родительском доме
Представить себе не могла,
Пока он не нашёл меня,
Этот безумный философ.

Ни богов он не чтит,
Ни сатрапов,
Папашу и мать
Не пускал на порог,
Он детей посылал побираться:
Ему юные души калечить —
Как девок ломать,
Ему пудрить мозги —
Как на царских пирах
Надираться!

Он, гармонии мир
Обещая от щедрой души,
Обнищал и хохочет,
Довольный,
Как будто в дурмане,
Что в прибрежных кустах
Ему гимны поют алкаши,
И солдатские шлюхи
Ему рукоплещут по пьяни!

Он достойных сограждан
Достал так, что хуже нельзя,
И уже вне закона,
Но этого не понимает,
И когда из Афин
За рубеж вызывают друзья —
Усмехается лишь
И глаза к облакам поднимает.

Я давно его бредни
Заумные в толк не беру
И не знаю сама,
Почему я его не бросаю,
Но когда во дворе
Истерическим матом ору,
Знаю твёрдо — его
От суда и расправы спасаю.

Вот в глазах моих если
Последняя искра сверкнёт,
Задохнусь или сдохну,
Его хоть на миг отпуская —
Враз ему, как курёнку,
Башку простодушно свернёт
Оскорблённая им,
Оскоплённая масса людская.

Оттого-то уже, сатанея,
Визжу и хриплю,
И над ними простираю
От гнева иссохшие руки,
А люблю я его
Или злобно всю жизнь
Не люблю —
Это дети рассудят,
А если не дети, то внуки.

* * *

Какие деревья росли
В Гефсиманском саду,
Ты вряд ли узнаешь,
И я это вряд ли найду,
Блуждая по кругу
Над Ветхим и Новым Заветом.

И мы понимаем,
Что дело, конечно, не в этом,
Но всё-таки: что за каменья
Темнели в пыли,
Какие ночные цветы
Безмятежно цвели,
И как соплеменники
Совість свою утешали:
С вином ключевую
Прохладную воду мешали,
Детей целовали,
Садились в кружок над огнём,
Смотрели на звёзды
И думать не смели о Нём?..

Ты вряд ли узнаешь,
И я это вряд ли пойму,
Поэтому твой приговор
Равнодушно приму.
Я вспомнить пытаюсь,
На радость свою и беду,
Какие деревья росли
В Гефсиманском саду...

* * *

Снег посыпал, и стало тепло,
Всё вокруг замело понемногу:
Значит, самое время пришло
Одеваться и чистить дорогу.

Значит, самое время теперь,
В заскрипевшую щель пролезая,
С придыханьем откапывать дверь,
В полувоздух лопату вонзая.

Мне не нужен к воротам проезд,
Я туда бы зимою ни шага,
Дожидаясь, куда проест
Его едкая вешняя влага.

Только вдруг до весны друганы,
Благотетели с выправкой бравой,
Порешат прикатить на блины,
Увенчать проходящую славой?..

Только вдруг от закрытых ворот,
Одолев тихходную пробку,
Беатриче моя не найдёт
Меж сугробами верную тропку?..

Мне не надо другого кого,
Но для них обижаю природу
И, похожую на молоко,
Разгребаю пушистую воду.

Я не портил бы этот простор,
Этот иней не трогал небесный,
Что над жизнью моей распростёр
Этот меркнувший свет неизвестный!

Этот свод над моею судьбой,
Что на диво прозрачен и прочен,
Как Андреевский флаг голубой,
Снегопада каймой оторочен.

Но студёное время прошло:
Снег посыпал, и стало тепло.

Новые времена

СВАДЬБА

Я безмятежно брёл к друзьям в усадьбу
И так, навеселе, попал на свадьбу,
Допить предполагая свой стакан,
В большой, но придорожный ресторан.
Там полнозвучно музыка гремела,
Плясали гости и казачка пела,
Хохмил южанин, закатив глаза,
И воздух был как мутная слеза.
Деды и молодцов ядрёных поросль
Сидели заодно, но как-то порознь,
По распорядку на своих местах —
При золочёных звёздах и крестах.
Они теснились вдоль ковровой тропки,
Как по команде, поднимали стопки
И улыбались все до одного —
Не помню, почему и для кого.
Шумели, то садясь, а то вставая,
И, разомкнув их плотное кольцо,
Я вздрагивал порою, узнавая
Особенно счастливое лицо!
А на приступке, будто на платформе,
Где ярких фонарей остался след,
Играли оркестранты в униформе
Мелодии и ритмы прежних лет.
Акустика раскатисто гудела,
И на углу, под образом Христа,
Невеста в одиночестве сидела:
Её ошеломляла красота.

И разом протрезвел я, рот разиня,
Ни водки не желая, ни вина:
«Ты кто?» И мне ответили: «Россия».
Но это отвечала не она.

И в тот же миг от имени России
Какие-то сватья и кумовья:
«Ты кто такой?» —
С пристрастием спросили,
И я сказал, откуда родом я.
И я спросил, от смелости слабея,
Как будто сел на гвоздь или иглу,
Что за обряд такой и ассамблея,
Где место у невесты на углу?
Я искренне спросил, не понимая,
Но, даже не ответив на поклон,
Слезами полных глаз не поднимая,
Невеста тихо вымолвила: «Вон...»
И я вопил, что сбоку вся Европа,
И Азия прильнула ширью всей,
Что Родина моя не Пенелопа,
Чьих женихов дырявил Одиссей!
Я клокотал и клялся, грудь навывкат,
Но, втайне милосердие кляня,
Как демонстранта, повлекли на выход
Нарядные свидетели меня.
И заглушали мой утробный грохот
Мелодии и ритмы прежних лет,
И раздавался добродушный хохот,
Повсюду отдаваясь, мне в ответ.
И заплошал я на последнем всхлипе,
Податливо елозил вдоль земли:

Крутые парни на могучем джипе
Меня к друзьям в усадьбу привезли.
И прав я был в своём безумстве или,
Внимая православным голосам,
Меня пока что попросту простили —
Я до сих пор не понимаю сам.

ВАГОН

Когда в ночи образовалась полость,
Где гул свеченью двинулся вдогон,
К перрону подкатил электропоезд
И посадил меня не в тот вагон.
Я сам ошибся, перепутал пристань
И глупость пальцем прикрутил к виску —
Намеревался не в Кинель, так в Сызрань,
А впопыхах поехал на Москву.
Сомкнулись двери, и состав качнулся,
Огни нырнули в боковую тьму,
И я в оцепенении очнулся,
Ещё не понимая, что к чему.
Обволокло, казалось, грязью серой
Железные пути со всех сторон —
Пропах вагон селитрою и серой,
Как шведского магната миллион.
И не было ни страха, ни обиды,
Но были среди этой темноты
Сиденья чёрным бархатом обиты,
Бумажные приколоты цветы.
Подумалось сперва, что это снится,
Но свет забрезжил где-то в стороне,
И пассажиров сумрачные лица
Со всех сторон приблизились ко мне.
И всех невольно в этом странном мире
Я разглядеть пытался поскорей:
Мочёные, как яблоки в сортире,
Сидели моджахеды у дверей.
Гремел на стыках, разгоняясь, поезд,
Но, безмятежно прислонясь к стене
И, как бюстгальтер, расстегнув свой пояс,
Спала шахидка, чмокая во сне.
Как вековые каменные бабы,
Свидетели минувших зим и лет,
Дремали проповедники-арабы,
Лесные братья щурились на свет.

И за свои радея интересы,
Как главари на выходки шпаны,
Поглаживая ржавые обрезы,
Взирали седоусые паны...
И в этом интернете патогенном,
Куда мне сдуру выйти повезло,
Доставленным разило гексогеном,
Пластидом расфасованным несло,
Грозил совокупленьем мирный атом,
И разом, будто выпивши сто грамм,
Я разразился трёхэтажным матом,
Рванулся в тамбур и сорвал стоп-кран!
Остановить решившись Герострата
И вызывая на последний бой,
Осознавая, что близка расплата,
Я шёл на это, жертвуя собой!
И понял: ничего не происходит,
Лишь сердце всё отчаянней стучит:
Туда-сюда стоп-кран свободно ходит,
И всё быстрее электропоезд мчит...

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЕЗУАНА

Заструился мой китайский шёлк,
Зажила моя сквозная рана:
Я смутился, он ко мне пришёл,
Добрый человек из Сезуана.
Я не знаю, франк он или перс,
Бизнеса акула или пикша —
Вёз его такси лиловый «мерс»
Или за спиною велорикша.
Это будто оттепель зимой
Или начинается нирвана:
Вот какой он мне достался, мой
Добрый человек из Сезуана.
Между светом космоса и тьмой,
Как дождевка возле океана,

Долгожданный человечек мой,
В карнавальном шёлке Сезуана...

Перед ним неловко горблюсь я,
Что тут к месту: смокинг или свитер,
В inferнальный мир небытия
Кто нас выпер — Черчилль или Гитлер?
Книги на костёр и всем капут —
Мне сегодня даже как-то странно,
Что меня нашёл и выбрал тут
Добрый человек из Сезуана.
Я считал: каюк нам и концы,
Ибо кровью изошли и потом,
А христопродавцы-продавцы
Продали нас в розницу и оптом,
С шиком сунув папироску в рот,
Только он, как будто из тумана,
Смотрит мне в глаза и честно врёт,
Добрый человек из Сезуана.
Над моей поникшей головой
Зажигает капилярный факел
Не спаситель, так спасатель мой —
Полупроходимец, полуангел.

Мир трещит,
Прорехами сквозя,
У Пегаса лопнула подпруга —
На черте, где жить уже нельзя,
Мы стоим и смотрим друг на друга.
Видя подступающую тьму,
Вновь как будто дети перед нею:
Для чего-то нужен я ему,
Только он мне во сто крат нужнее.
Может, милосердие храня,
Из-за чёрно-белого экрана
Тоже видит в зеркале меня
Добрый человек из Сезуана?..

ГЕРШВИН

Сколько было в жизни
Горького и грешного,
Нужного, ненужного,
Не об этом речь!
Поищите Гершвина,
Притащите Гершвина,
Чтоб всё это в лёгкую
Музыку облечь!

Сколько было славного,
Сладко душу гревшего,
Нашего, не нашего,
Рядом и окрест —
Покажите Гершвину,
Попросите Гершвина:
Он всё это «влёгкую»
Выдаст под оркестр!

Схоронили сталиных,
Сохранили брежневых,
Осадили в золото
Лагерную пыль.
Оглянулись: батюшки!
Не хватает гершвинов!
Ах, зачем их, грешников,
Принял Израиль....

* * *

Если бы я забыл,
Если бы ты забыла,
Как я тебя любил,
Как ты меня любила —
Были бы мы дебил
С первой женой дебила.

* * *

Наконец-то стало пасмурно,
Ежедневный зной истёк:
Мелкий дождик
Влажным пластырем
На сухую душу лёг.

Отступила горечь потная,
И со всех сторон видна
Мимолётная, бесплотная
Поднебесная вода.

Пташка свистнула
В терновнике,
Розы начали цвести,
А всего-то на термометре
Двадцать вместо тридцати.

* * *

Высь ослепило вспышкой яркой,
И замерли на полчаса
Гигантскою электросваркой
Прихваченные небеса.

И нам представилось мгновенно
Под этой пропастью без дна,
Что мерзко всё вокруг и тленно
И праведна любовь одна.

Над Западом и над Востоком,
Как азиатская война,
По желобам и водостокам
Катилась за волной волна

И дрянь несла,
Что в нас скопилась,
Что нам казалась так нужна,
И лишь любовь одна
Светилась,
Благоуханна и нежна.

* * *

В системный кризис
Поползла эпоха,
Кровоточит на душах
Каждый шов.

И если всем хорошим
Людям плохо,
Нам почему должно
Быть хорошо?..

ДВА УПОМИНАНИЯ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ НАСТАСЬЕ ФИЛИППОВНЕ

1. Князь Мышкин

Уподобившись растенью,
На просвет и налегке,
Ходит Мышкин
Бледной тенью
С миллионом в узелке,
По безвизовым Европам
В пору божьего суда
Ходит-бродит автостопом —
То туда, а то сюда.

Переигрывает даже,
Ненароком лебезит

Вездесущий этот княже,
Извиняясь за визит,
Будто левый край в «Зените»,
В эти кризисные дни:
«Вам их надо? Вот, возьмите!
Для чего теперь они...»

Как Махно товарищ Нестор,
Испытав душевный крах, —
То ли с придурью инвестор,
То ли беглый олигарх?
От Венеции до Вены
У него во всей красе
И юани, и иены,
Но шарахаются все,
От Москвы до Вашингтона,
Как язвит с улыбкой «Форбс»,
В непонятках Еврозона:
То ли лох он, то ли Джобс?..

Мышкин, Мышкин!
Гоп со смыком,
После каторжных работ
Я такой же горемыка
И такой же идиот.
Перед будущей судьбою,
Доставая бутерброд,
Мы обнимемся с тобою,
Мы присядем у ворот.
Мы поплачем: Настю жалко,
Жалко старости своей.
Выпьем с горя!
Где же «Алко»?
Сердцу станет веселей.

2. Фёдор и деньги

Радикальные идеи
Фёдор выскажет с утра,
Смотрит: «Бац! Откуда деньги?
Денег не было вчера!
Это ж не акционеры
Заседали на дому,
Это ж реакционеры
Помогли, как своему,
Это коррупционеры
Намекнули, что к чему!»

Фёдор мнит: «Уж это слишком,
Право слово, вашу мать!
Это финиш кошкам-мышкам,
Надо меры принимать!»
Боковым подспудным зреньем
Видя, как ликует чёрт,
Он берёт их с омерзеньем
В драматический расчёт:
Подвернувшуюся, к счастью,
Пачку тыщ, о коих речь,
С романтической страстью
Заставляет бросить Настю
В огнедышащую печь!

Потому что это гений,
Это русский человек:
Коль не Фёдор, так Евгений,
Не Евгений, так Олег!

Но потом, остынув разом,
Ибо он не идиот,
Входит Фёдор в прежний разум
И заначку достаёт.
Ассигнаций извлечение —
Как в замедленном кино:

Это детям на ученье,
Это теще на лечение,
Это мне на казино...

Потому что нас культура,
Русская литература,
В целомудренный обман
Часто вводит, и мордатый,
Как газпромовец, богатый,
Ржёт над нами чёрт рогатый,
Потому что жизнь — натура,
А роман и есть роман...

* * *

Анонимные стихи
Вдруг прислали этим летом:
После финишной строки
Нет подписи с портретом,
Нет нечаянных примет
Мастерства души отважной —
Лишь какой-то слабый свет
От поверхности бумажной.

Человек ты мой родной,
Моё «вэни, вици, види»!
Не робей передо мной,
Появись, из тени выйди!
Из померкшей суеты,
Будто с новостью неожиданной,
Я такой же, как и ты,
Рифмотворец безымянный.

Я по глыбам зим и лет
Поспешал, куда не надо,
И едва заметный след —
Маете моей награда.

И едва заметный всплеск
Над источником забвенья —
Мишура моя и блеск,
Сокровенные сравненья.

Кто-то строит маяки,
Кто-то давится деньгами,
Ну а мы, как дураки,
С анонимными стихами,
Затвердив одно и то ж,
Соглашаемся послушно,
Что цена им в праздник грош
Или с паперти полушка.

Но от нашей нищеты
Прибывает доброты,
Как воды в больничной ванной,
В вашей жизни окаянной,
Но от наших мятых роз
Убывает ваших слёз,
Мы врачи сердечной боли
С коллективной силой воли,
И каков тут личный взнос,
Не играет, в общем, роли.

* * *

Очаг пылает, прогоняя тлен,
Привычный натюрморт: винцо и закусь.
О чём Ван Гог толковал Гоген?
Не сохранилась разговора запись.
И то: орать взахлёб про смерть и жизнь
Вредней, чем помидоры кушать на ночь.
Два одиноких гения сошлись —
И по-французски разругались напрочь.
В искания свои погружены,
В свои обиды и свои капризы,

Не видя, что кому-нибудь нужны
Эскизов их репризы и сюрпризы...

Но живописи муза обняла
И приняла обоих на поруки —
Очаг остыл, но отступила мгла,
К ожившим краскам потянулись руки.
Ведь всё-таки неповторимый дар
Важней, чем академиков доктрины —
Смешно, когда купец и антиквар
Оценивают мысли и картины.
Или когда гуляки под мостом
С надрывом декламируют сонеты...
Но два маэстро, споря о пустом,
Небесным светом мастерства согреты.

И одухотворён их беспредел
Соитием искусства и азарта —
Сегодня непотребство их удел,
Им тяжело, но вы зайдите завтра.
Но вы не пропадайте день-деньской,
Следы своих насмешек замечая,
Покуда проступает в мастерской
Великолепья пудра золотая.
Пока болят их битые бока,
Гремят пустые вёдра, как литавры, —
И платные хулители пока
Для них одних выращивают лавры...

* * *

Как бы в майский
День вернуться мне,
Где за гранью козней и обид
Жанна Д'Арк на золотом коне
Оседлала Площадь Пирамид.

* * *

В разгар куражного веселья
Середь коммерческих торгов,
Бинтует душу первым снегом
Поэзия, как медсестра.
В канун распада и разлада,
В дыму крещенских холодов
Поэзия, как санитарка,
Ухаживает за тобой.

* * *

План обустройства страны
В голове держу я,
На «флешках» храню его
И в секретных «симках»:

Там доброго, честного,
Верующего буржуя
Зоологи вывели
И расселили в Химках.

Там учат детей бесплатно
И лечат старцев,
Но если что —
Вызывают команду-зондер.

Там на ковре краснеет
Товарищ Карцев,
Когда его распекает
Товарищ Швондер...

Там у моей любимой
Платок в горошек,
Как много лет назад,
По забытой моде.

Там лаёт Шариков,
Честно гоняя кошек,
Там пива хватает всем
И баланс в природе.

* * *

Вдоль околиц синь лесная,
Хвойный дух со всех сторон —
Ах, губерния Тверская,
Мамин Кашинский район!

Цитадель родного духа,
Магнетизм подземных вод,
Предвоенная разруха,
Под фашистом чёрный год.

Вот и мой маршрут сложился
Так, что поздно жить в раю:
Я оттуда — не прижился
Ни в купеческом краю,

Ни под сводом рижских сосен,
Где в рождественской тиши
Подаянье в евро просят
Англоманы-латыши...

Ох, туманы-растуманы,
Супесь брошенных полей!
Я видал иные страны,
Посытней и потеплей.

Но навек оттуда родом,
Где кресты со всех сторон
Да ботва по огородам,
Да судьба как самогон.

ЦЕРКОВНЫЙ БЛЮЗ

Причётник Джон
Врубил тромбон,
Ему ответил саксофон,
И Хью — контуженный священник
Запел, как старый граммофон:

«Кто был в бою,
В чужом краю,
Кто любит родину свою —
Пусть нашу песню напевает,
Хотя не всем нам быть в раю...
Кому пою,
В родном краю,
Кто любит девушку свою —
Пусть с нами тоже распевает
Под эту музыку мою!»

И каждый раз
В урочный час,
Когда из церкви слышен джаз —
Теперь святые маршируют
И все пророки рвутся в пляс!
В тот грешный час
Им не до нас,
Когда играет в церкви джаз —
Когда святые маршируют,
И потаскушки рвутся в пляс...

Поющий Хью
Живёт в раю,
Где понимает каждый житель,
Что любим мы свою обитель
И знаем музыку свою!
Кто был в бою,
В чужом краю,
Кто любит девушку свою —
Пусть вместе с нами распевает,
Он будет тоже как в раю!

Поющий Хью
Бывал в бою,
Он любит родину свою —
Он марширует, распевает,
Он с нами тоже как в раю!

* * *

Эту жизнь,
Это пастбище красок,
Эту выставку роз,
После кризисов,
Стрессов и встрясок
Доконает склероз.

Справедливый и жёсткий,
Как тренер,
Ибо что он решит,
Миокарда беспомощный
Тремор
Вечерком завершит.

ГЕРОИ ТРОИ

1. Гектор

Чувствуя, что дал с Патроклом маху
И не зря теперь душа болит,
Гектор обнимает Андромаху,
Понадёжней лечь на дно велит.
На него с мечами шли по трое —
Он не тушевался, всех валил,
Но теперь из-за него под Трою
Почерневший прикатил Ахилл.
Гектор у спецназа лучший воин,
Сам Аякс поспорить с ним не мог,

Он победной участи достоин,
Но Ахилл — убойный полубог.
Но Ахилл своей смертельной мощи
Застеснялся, отпустить просил,
А теперь ему с убийством проще,
Ибо на прощенье нету сил.

Гектор медлит, знает: это — точка,
Для него не существует дно.
Больше ни супругу, ни сыночка
Повидать ему не суждено.
И договориться невозможно,
Супермена этого отвлечь —
Он встаёт, в натруженные ножны
Вкладывает легендарный меч.
Как он верит в полную победу,
Как идёт на выход через зал!
Но жене кивнул: «Не жди к обеду,
Просто помни всё, что я сказал».

...А потом, опошлив эти стрессы,
Дескать, героизм не для меня,
Одиссей из греческой Одессы
На песке изобразит коня.
А потом, хитон и плащ-палатку
Сдвинув с плеч, чтоб взять последний приз,
Спецстрелюю полубогу в пятку
Беспощадно угодит Парис.
А потом сожгут морпехи Трою,
Мудрого Приама взяв на понт,
Никакому новому герою
Чтоб и не мерещился ремонт...
В общем, всякий, связанный обетом,
Погорит — до погребальных дел.
В третьем классе я читал об этом
И с тоскою в прошлое глядел.
Ближе и дороже всех на свете
Был мне Гектор с выбором своим,
Как любой, кто верит в страхи эти,
Ибо любит, зная, что любим...

2. На высадку десанта

Высокие волны таранит баркас,
Мы воинским духом тверды,
Ты видишь, Елена: на мачте у нас
Бюстгальтер и стринги твои.
На полную сумму оформлен инвойс,
Предъявлен обидчику он,
Но, как термоядерный штат Иллинойс,
Встаёт впереди Илион...
Нам бабья распущенность не по нутру,
Калёные копья острые,
Но слишком уж явно чадят на ветру
Огнём погребальным костры.
И даже разведка, что вышла молчком
На первый плацдарм островной,
Ты видишь, невольно играет очком,
Встречая десант основной.
И с честью пройдя штормовые моря,
И все повидав маяки,
Угрюмо тебя про себя матеря,
На берег идут мужики.
Идут бесконечной немой чередой
В смердящее чрево войны,
Стратегией общей и общей бедой
На подвиги обречены.

3. Похвала Гомеру

Ни фобий в гекзаметрах нет,
Ни суждений пристрастных, –
Кровавых сражений
И дивных видений певец,

В улётах по Фрейду
И тайнах гречанок прекрасных,
Как эвроэксперт, разбирался
Великий слепец!..

4. Менелай

Под волчий вой, собачий лай,
Шугая вороньё,
Нашёл за Троей Менелай
Сокровище своё.
И сникла царская душа,
Решил с собою брать:
Уж больно краля хороша,
Нельзя такую драть...
Прошибла мутная слеза,
Едва из темноты
Со страхом глянули глаза
Нездешней красоты.
Удушье в сердце и жара,
Как будто что-то жгут.
— Пойдём, — сказал, — домой пора,
Царицу люди ждут.

Потом с тех пор немало лет
И снежных зим прошло,
Но трезвой думы мрачный след
Травмировал чело:
Мол, стоит ли интимных чар
Весь этот колизей,
Где столько ставил под удар
Героев и друзей?
Где на краю чужой земли,
Во имя женской лжи,
Достойно в муках полегли
Честнейшие мужи?
...Но лишь она погасит свет,
Приляжет, как всегда:
Ответа не было и нет,
Ни завтра, ни тогда.

5. «Прекрасная Елена»

Когда земляки прикатали с войной,
Над берегом подняли дым,
Не только, Елена, двумужней женой —
Была ты агентом двойным.
Царя на царевича смена прошла
Неплохо, как можно понять,
Но всё-таки ты до конца не смогла
Приамова сына принять.

Душой задрожала и внешностью всей
И вспомнила Спарту с тоской,
Когда к тебе в гости пришёл Одиссей
С разведкой своей воровской.
Но после его кровавых проказ,
Конца не предвидя войне,
Морочила ты поимённо спецназ,
Укрытый в Троянском Коне...

Кто знает, прохладу твою или страсть
Венчала приморская мгла —
И вашим, и нашим волшебная власть
Твоя помереть помогла.
У наших и ваших, во имя тебя,
С голов полетели венцы,
И вдовы тебя проклинаят, скорбя,
И смотрят с восторгом юнцы.

Но всё-таки это ещё не конец,
Хотя продолжения нет,
Пока не вошёл богоравный слепец
В космический свой Интернет!
Пока по Европе, визжа и свистя,
С канканом на царских гробах,
С волною гастролей, столетья спустя,
Ещё не прошёл Оффенбах...

* * *

Красок радужных пятна — как солнце в росе,
Красоты упоительный морок.
Поздно я разобрался с музеем Orsay —
Мне бы раньше, лет этак на сорок.
Ожиданье манящей ночной тишины:
Вдруг хорошее что-то приснится...
Поздно я научился разгадывать сны —
Надо б раньше, лет этак на тридцать.

Подниматься и падать, с нуля повторять,
Не сиротствовать и не бояться:
Поздно я перестал трепачам доверять —
Вот бы раньше, лет этак на двадцать.
Да и лысину пеплом при всех посыпать,
Клясться люстру в подвале подвесить —
Реформаторов сразу к чертям посылать
Тоже б надо лет этак за десять...

Но пускай свою жизнь до конца погублю,
И останусь без роду, без племени —
Признаюсь, моя радость: тебя я люблю
Не жалея прошедшего времени...

* * *

Под дверью цвета древесины тиса,
Как пилигрим на каменном крыльце,
Вдыхаю воздух мастерской Матисса
С блаженным выраженьем на лице.
Сказал бы Ерофеев: «Божья падла,
Едва крутнув Фортуны колесо,
Уже мечтаешь из испанца Пабло
Преобразиться в галла Пикассо?
Едва понёс канкана потный воздух
Вразнос намакияженных старух —

Уже увидев небо в близких звёздах,
С трудом от счастья переводишь дух?..»

Но мне, как математику мантисса,
Или костариканцу — друг метис,
В неожиданный кайф пристанище Матисса.
Хоть я и мыслю: «Кто он мне, Матисс?»
Как будто ставни сдвинулись неплотно,
И в пыльных струйках света до сих пор
Витают нерождённые полотна,
Мерцает на керамике узор.
Высоких чувств болезненная грыжа,
Любви привычный вывих мозговой,
Настигли на окраине Парижа
Юнца с полуседою головой...

Но здешняя какая-то матрона,
Искусства недоделанная дочь,
Уже в ночную тьму бесцеремонно
Толкает гостя, прикрывая дверь.
Ей некогда, никто ей не начальник,
С товаркой ей пора поговорить —
У них уже кипит на плитке чайник,
Им вновь с утра прекрасное творить.
Запарены шиповник и мелисса,
Фонарик светит в глубине двора —
И мне от бывшей мастерской Матисса
Действительно в гостиницу пора.

* * *

Моне рисует пруд —
Он каждый раз другой,
Над ним жуков и пчёл
Воздушные машинки,
И мостик над водой
То выгнется дугой,

То смотрит, как под ним
Колеблются кувшинки.

Давно на всё вокруг
Оформлены права,
На каждый уголок
Сертификат получен —
Велюровым ковром
Разложена трава,
Округлый блик волны
До завитка изучен.

И воздух, что сродни
Библейским чудесам,
Податливо дрожит
С восхода до заката —
Один и тот же пруд,
Да вот художник сам
Совсем другой опять,
Не тот, кем был когда-то.

Зачем Моне патент
На живописный труд,
Когда он всё творит
По собственной программе —
Многообразна жизнь,
И он рисует пруд,
Мир воспроизводя
По микроголограмме.

Где каждый микрочип
Блаженства и беды
От имени святых
Франциска и Альберта.
А на холсте – кусты
Да лужица воды
С каёмкой берегов
И тенью от мольберта.

Поверх пруда и вдаль
Он смотрит каждый раз,
Как в зеркало судьбы,
Бесстрашными глазами.
А что в его душе,
И что в душе у вас —
Почувствуйте в себе
И догадайтесь сами.

ОСЕННИЙ ПОЕЗД

Четвёртый день, не успокоясь,
Гуляет ветер по земле
И осень, как гудящий поезд,
На всех парах несёт к зиме.

Она ни в чём не виновата,
Но пониманьем достаёт,
Что жизнь пройдёт, как «Травиата»
В губернской опере идёт.

Она последний лист заполнит,
О чём-то пробурчит под нос
И снежной шторкою задёрнет
На Южном кладбище откос.

Зазеленеет, будто озимь,
Возвратом детского ума:
На то она тебе и осень,
На то она и не зима.

Чтоб напоследок — Бога ради —
Ты ей напомнить захотел,
Как бронепоезд ждал в засаде,
Как паровоз вперёд летел...

* * *

Вовек желанней и добрей
Не будет встреч уже:
В твоём подъезде нет дверей
На первом этаже.

Кино с любовью и стрельбой
Закончилось давно,
И мы счастливые с тобой
Смеёмся над кино.

И я не вижу, как дурак,
Что это мимо нас
Уходит в лунный полумрак
Одиннадцатый класс.

И я не думаю о том,
Что этот поздний час
Исходит ангельским теплом
Уже в последний раз.

В короне звёзд над головой
Твой трёхэтажный дом,
А там трамвай московский твой,
Мой эшелон потом.

А там прощанье — как разлом
По нам с тобой двоим —
С последним ангельским теплом
Доверчивым твоим.

И всё, что будет суждено,
Оно про нас с тобой —
Мы зря смеялись над кино
С любовью и стрельбой.

На старой лестнице твоей,
Где столько лет уже
И свет, и множество дверей
На каждом этаже.

Неформат

ПЕСНИ

Е. Чепурных

Скакал казак через долину,
А встречу ему, в тоске слепой,
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.

Боец стволом
По камню шаркал,
Табак в кривой сигарке жёг,
Беглец горючей кровью харкал
На свежевывавший снежок.

И мне в застолье не поётся:
Гонима смертным сквозняком,
Моя душа на части рвётся
Меж босяком и казаком.

И тот же я солдат усатый,
Что, побрякушками звеня,
Врага в одежке полосатой
Узрел на линии огня,

И тот же я изгой мордатый,
Что с нехристями заодно,
Самоснаряженной гранатой
Ударил в отчее окно...

Скачу к грохочущим аулам,
Дрожу в смятенье роковом,
И слёзы по небритым скулам
Размазываю рукавом.

И трибунал во мне по праву,
И беспредела сабантуй —
Лети, орёл, спасай державу,
Беги, волчара, бей, бунтуй!

Когда грехи мои и слёзы,
Обманы несчастливых лет,
Обрывки безутешной прозы
В последний сложатся куплет —

Пушай в нём будет всё иначе,
Как в жизни, но наоборот:
Казак до пенсии доскачет,
Беглец спасение найдёт...

ЗАВЕЩАНИЕ КРЕСТОНОСЦЕВ

После наград и званий,
Если уж вам так надо,
Где-нибудь под осиной
Нас помирать оставьте

Нищими и нагими
Перед вратами ада,
Звёзды верните небу,
Крест на погост поставьте.

Не поминайте всуе
Титулы и медали:
Нет нас ни в алых розах,
Ни в золотистом жите,

Всё, что мечом добыли,
Мы вам навек отдали —
Дальше за нас глядите,
Дольше за нас живите.

* * *

«Не позорься, — говорили Фету, —
Подъезжая к университету,
Не приостанавливай карету
И не плюй на университет,
Потому что ты большой поэт,
Не к лицу тебе проделки эти,
Потому что вспоминать о Фете
Будут в этом университете
И совсем не по твоей анкете
Дознаваться, как сварганил Фет
Дух и свет,
Которым равных нет...»

* * *

Я сказал: «Души в тебе
Я по-прежнему не чаю,
Почему же ты меня
Не сделаешь сильнее?...»
Осень мне ответила:
«Я за себя лишь отвечаю,
Иди и разбирайся сам
С очередной весной своей».

* * *

Возраст
В бессмертие
Веры прибавил,
Но в подтвержденье,
Что всё это так,
Хоть бы фонариком
Кто просигналил,
Кто бы послал
Подтверждающий знак!..

* * *

Как почки вишен
Раскрываются к теплу,
Две круглых капли
Покатались по стеклу,
Как ветки вишен
Возле форточки сплелись,
Две капли струйкой
Полувыпуклой слились.

И в нашей жизни,
У которой края нет,
Никто не верил
Их прозрачности на свет,
И в нашей жизни,
До беспамятства слепой,
Никто не знал,
Что это тоже мы с тобой...
Но, просыпаясь
В предрассветной полутьме,
Ты знаешь твёрдо,
Что теперь живёшь во мне,
Но, пропадая
В трижды проклятой судьбе,
Я понимаю,
Что всегда живу в тебе.

И свет повсюду,
Где мы видимся вдвоём,
А это просто
Мокрый сад и вишни в нём,
А это просто,
Подсветив ночную мглу,
Две круглых капли
Прокатались по стеклу.

* * *

Где свирепствует
Солнце
В рыбацком усердьё
Коптильном,
Меж полей агрофирм
«Красный пахарь» и
«Волжская новь»,
В летнем городе,
До безобразия
Жарком и пыльным,
Расцветает любовь.

* * *

Это, любимая,
Общеизвестно
С давних времён,
С незапамятных дней —
В этой истории
Мне интересно
Только твоё
Отношение к ней,

Только твоя
Добродушная слабость:
Нам-то, мол, грешницам,
Не до измен,
Только твоя
Равнодушная сладость
На интерес и молчанье
В обмен.

ПОЛТОРА СОНЕТА

В Париже где-то или в Праге,
Сквозь полусон понять нельзя,
В отель какой-то мрачноватый
Вселялись все мои друзья.

И за стеклом своей конторки
Портье, как мелкий бес, юлил:
Хрипел по-чешски еле слышно,
А то вдруг франкоговорил.

Но поняли, куда вселяться,
Мои друзья и налегке
Пошли по направлению к лифту,
У каждого квиток в руке.

А я не присоединился
К ним вовремя и, глядя вслед,
Вдруг понял, что ещё не с ними,
Поскольку их на свете нет.

И что в отеле мрачноватом,
Где зубы скалили портье,
Ты за рукав меня держала —

Надоедала, угрожала,
О чём-то на ухо шептала
И не давала помереть.

* * *

Капель летящее столпотворенье,
Веток за окнами мокрая дрожь:
Длинный, как умное стихотворенье,
Ночь напролёт продолжается дождь.

* * *

Зрим заступницу скорбящую:
Слёзы льются сверху вниз,
Прямо в нашу переходящую,
Прносящуюся жизнь.

* * *

В краю, где раскатом
Верлибра становится проза,
И море гудит, в штормовой ударяя тамтам,
Абхазские розы растут из лепёшек навоза —
Настолько в предгорьях земля каменистая там.

А в наших местах
Чернозёмом метафор гламурных
Мы отчую почву настолько удобрили тут,
Что гляньте вокруг:
В полированных мраморных урнах
И то с ресторанным надкусом окурки растут.

* * *

Как потёкший радиатор,
Пребывая не у дел,
Постаревший губернатор
Раздобрел и поседел.
Потрепался, пообедал,
Поддаёт, разводит пчёл —
Хоть бы что-нибудь поведал,
Хоть бы лекцию прочёл.
Ни хрена. Сердитый сроду,
Будто все вокруг враги —
А ведь столько лет народу
Компостировал мозги.

БОЛГАРСКИЙ СОНЕТ

Как будто в гору двинулись дела,
Тут пан или пропал, как доведётся:
Возлюбленная сумки собрала,
Сказала, что ушла и не вернётся.

Прикрыла бронированную дверь
И подалась в другие коллективы —
Какая экономия теперь,
Какое ощущение перспективы...

Но горько плачут Варна и Несебыр,
Счастливым заливавшиеся смехом,
Где голоса её интимный тембр
По номерам гулял рассветным эхом,

Где у неё теперь свои дела —
Куда, зачем, к кому она ушла?

ЯПОНСКИЙ СОНЕТ

Опять на душе самурайская смута:
Удельный властитель меча своего,
Ты всё ещё должен чего-то кому-то,
Да только не знаешь, кому и чего.

От белого снега до чёрной могилы
Контрастна кривых иероглифов вязь:
Подручные смерти — слепцы и дебилы,
Хозяева жизни — тщедушная мразь.

Но ты, как заложник отваги и крови,
Служить до последнего им прирождён:
Огня из геенны летящие крохи
Пусть свищут и блещут,
И льются дождём —

Ты алым клеймом
Патриота и профи,
Контрактною клятвой
К судьбе пригвождён.

* * *

Ах, этот дух восстания,
Сверканье гневных глаз,
Ни бери, ни сталины
Не вышибли из нас!
Охота прародителя
Прилюдно помянуть:
В карету управителя
Грязюкою метнуть...

БРЮССЕЛЬ

Европейских звёзд мерцание
В небе густо-голубом,
Европейцев созерцание
И вблизи, и за углом.

Примитивная и сложная,
Неродная, хоть убей —
Жизнь чужая, заполошная,
Параллельная твоей.

* * *

Отдай нам, мир спасённый,
На родину, домой,
Серёжку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой...

ЧИЛИ

Чили — красный перец на снегу,
Батарейки цепь на берегу:
Возле моря «плюс»,
А в Андах «минус»,
Чили — это сабля на боку
У освобождённого латинос!

Винограда вяленая гроздь,
Госбюджета медная основа —
Заржавевший в крышке
Гроба гвоздь
Империализма мирового...

* * *

Хватит буден геройских
И прежних
Бессмысленных жертв,
Чтоб по первому зову,
Хромая, бежать на поверку —
Из солдатского ранца
Достану свой
Маршальский жезл
И с коротким поклоном
Его передам главковерху.

Об отставке прошу,
Ибо горестный жребий таков,
Что, видать, не по мне
Ваши званья, кресты и медали:
Я полжизни напрасно
Потратил на вас, чудаков, —
Вы литавры и лавры
Прямым конкурентам отдали.

Мне, конечно, в итоге
Не жалко ни вас, ни себя,
На потери спишите
Свои забугорные нычки —
Я из тех рядовых,
Что служили, кряхтя и сопя,
На майорские звёзды
Меняя сверхсрочные лычки.

Но когда после грохота,
Гнева державной брони,
Самый сытный кусок
Переброшен
Кавказскому волку —
Поклонюсь сослуживцам:
Господь вас, ребята, храни,
И рукою махну,
И полезу на верхнюю полку.

И в купейном вагоне
Впервые спокойно усну.
И, как в давние годы,
Приснится мне сон
Про весну.

ПРОЩАНИЕ С ПОЛКОВНИКОМ

Джемал на побережье лучшим был,
По долгу службы делал всё как надо
И с беженцами баржу потопил,
Когда была Абхазии блокада.

Над бесполётной зоной он кружил,
Во всё внизу палил без разговоров
И свой прибор отважно положил
На русских лейтенантов и майоров.

Но асы отвечают за понты,
И, несмотря на звание и возраст,
Подвинули Джемала с высоты
Стремительной ракетой
«Воздух-воздух».

Прощай, Джемал!
Ты был отличный ас,
В училище для всех как на иконе,
Но стал говном, как говорят у нас,
В четвёртом заводском микрорайоне.

Ты вспомни, как, покорны и тихи,
Абхазы плыли на пробитой лодке —
Тебе за эти тяжкие грехи
В аду одной не хватит сковородки.

Прощай, Джемал!
Пусть все твои друзья —
Наёмники и звери, Бога ради,
Но беззащитных убивать нельзя
Ни в Хайфе, ни в Сухуме, ни в Багдаде.

К тебе, Джемал, ни Лондон, ни Дубай
На вынос не пришли в ладоши хлопать —
Интернациональное «гуд бай»
Да на волне пороховая копоть.

ВОСПОМИНАНИЕ О КИЕВЕ

*Мать сказала детям: «Живите».
А им придётся мучиться и умирать.*

М. Булгаков, «Белая Гвардия»

Всюду портреты вождей видны:
Сталин, Хрущёв и Киров.
После Второй мировой войны
Радостно зелен Киев.

Но, как в загробную жизнь портал,
Солнечный день отринув,
Пристанционный один квартал
В прежних лежит руинах.

Вспомнил, и тотчас на ум пришли
Праздничные детали:
То ли каштаны вовсю цвели,
То ли конфету дали.
То ли, не предав в расстрельный час
Блеск своего кумира,
Из-под полы продаёт «евбаз»
Все дефициты мира...

Памяти ржавые тормоза
Судорожно не держат,
Ежели кто-то плюёт в глаза
И по живому режет,
Ежели, с ненавистью в груди,
Снова хрипит натужно:
«Сколько же можно, о Господи!
Сколько в итоге нужно?»

В небе над Лаврой от звёзд светло,
Млечная сыпь мороза.
Сбоку воронка от НЛО —
Как завиток вопроса.
Многих потянет, пойдя на спад,
К свечкам тюремных вышек
Канцерогенный, горячий смрад
Адских автопокрышек.
Многим неистовый этот сброд,
Юные эти судьи
Души отравит, перевернёт
И ломает судьбы...

Тают багровые облака,
Тени на крыши кинув,

Смотрят на это издалека
Сталин, Хрущёв и Киров.
В пропасть какую
Нас понесло —
Даже не знаем сами.
Смотрят на это из НЛО
Траурными глазами.

ОДЕССА

Далеко нас уносят с тобою
Паруса непросохших рубаш.
Рыбной солью и пеной прибоя,
Будто прошлым морского разбоя,
Пряный воздух Одессы пропах.

В сетке пятен и трещин наружных,
Будто в ряби морщинок ненужных,
Остаются палаццо и порт.
Нелегко этих улочек южных
Достаётся душевный комфорт.

За объятья волшебного стресса,
С долгим скрипом чугунных ворот,
Что звучит как прощальная месса,
За любовь порто-франко Одесса
Круто с памяти нашей берёт...

* * *

После долгих
Зимних спячек
За Крещеньем и Постом,
Ромка прыгает, как мячик,
Лает и стучит хвостом.

И хоть день
Насквозь простужен,
Диспозиция ясна:
Отражаясь в синих лужах,
Разгорается весна.

Скоро отпуск, скоро лето
И красотки без пальто —
Морду вытянув, про это
Ромка знает, как никто.

ИЗ НОВОГО ЗАВЕЩАНИЯ ФРАНСУА ВИЙОНА

Родная толстушка Марго,
Я страстью обязан тебе:
Роскошное чрево твоё
Бурлило, как ужин в котле,
И, муками ада маня,
Как будто я мячик какой,
Ты в райские кущи меня
Швыряла умелой рукой —
Где с плотью прощается кость,
Но сладостна ярости власть,
Чтоб с корочкой, как абрикос,
Слюна на губах запеклась...

А ты, хромоножка Люси,
Как будто я беглый отец,
Глазёнки потупив, проси
По-прежнему свой леденец.
Несчастья дели на двоих,
Чтоб мог я опять и опять
Меж потных ложбинок твоих
Запретное счастье искать,
Чтоб видел продажный Париж,
Где живы мы чудом одним,

Как ангелом нежным паришь
Ты в призрачном небе над ним...

Виктория, ты хороша
Настолько, что в горний альков
К прекрасному рвётся душа
Из самых греховных оков!
И радость меня леденит,
Как чистый альпийский ручей,
От персей твоих и ланит,
Чела твоего и очей,
Но с рожею, красной, как рак,
Навек от тебя вдалеке,
Хотя я отнюдь не дурак,
В дурацком стою колпаке...

А ты, Катерина, а ты
Виднелась в окошке своём,
Когда эти звери, скоты
Мне рёбра ломали дубьём!
Тебя ни о чём не прошу:
Сполна у Кривого Угла
За всё, чем живу и дышу,
Жестокой расплата была.
Считай, что меня провели,
Ведь лучшие в мире слова
Остались в крови и пыли,
В потёмках Кривого Угла...

Вы, славные девки мои,
И, как мне отсюда видней,
Богини ответной любви,
Красотки сверкающих дней!
Кого я не раз на руках
Тащил на волшебный этаж —
Мои оправданье и страх,
Прощайте, я больше не ваш.

В судейском присутствии стол
Тяжёлою тканью покрыт,
Готова верёвка, и столб
Меж круглых булыжников врыт.
Убийцам прямая родня,
Палач усмехается мне.
Прощайте: теперь без меня
Горите в блаженном огне.
И память, как праха щепоть,
Смахните, а я лишь молю,
Чтоб так же любил вас Господь,
Как я вас доныне люблю...

ШИПОВНИК

То ли вправду было,
То ли просто снится:
Полюбил девицу,
Захотел жениться.

Даже сам не понял,
Что не получилось:
То ли бес попутал,
То ли не случилось.

Разошлись по свету —
Ни молвы, ни злости,
Не узнав друг друга,
Свадебные гости.

Разлетелись души —
Даже не коснулись,
Ангелы друг другу
Грустно усмехнулись.

А теперь он зверем
По округе рыщет
От стыда и горя
И невесту ищет,

Он рычит и воет
С яростью протеста:
«Где моя невеста?
Где моя невеста?»

Нет её ни в сёлах,
Ни в широком поле,
А в полночный город
Он не может боле.

Поглядит, как люди
Тихо окна тушат —
Ненависть терзает,
Судороги душат.

Для других счастливых
Просто уголовник —
Где он плакал с кровью,
Там растёт шиповник.

Высохшая ветка —
Можно уколоться,
Как его невеста,
В руки не даётся.

Будто напоследок
Лоб перекрестила:
То ли не забыла.
То ли не простила.

* * *

Стихи в газете —
Звездопад с порошей,
Воскресный текст,
Оформленный с душой:
Стихи плохие,
Но портрет хороший,
Стихов немного,
Но портрет большой.

Когда б я был
Ответственный редактор
И был в свершеньях
Волен, как орёл, —
Я б строчки про
Чернобыльский реактор
Прискорбной рамкой
С ходу бы обвёл.

А если б стал
Талантлив и безгрешен,
Как на эстраде
Юные певцы, —
Я б так запел,
Чтоб изо всех скворешен
Ко мне слетались
Подпевать птенцы...

Банкиром был бы
Щедрым и красивым —
Тогда б во всех
Газетах вновь и вновь
Велел бы
Нонпарелью и курсивом
Стихи печатать
Только про любовь!

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

1

На зимнем волжском берегу,
Где пеший след ведёшь,
Дорогу видишь на снегу,
Пока по ней идёшь.

И позади, сказать нельзя:
Так много лет и дней,
Но до сих пор видна стезя,
Пока идёшь по ней.

Хоть кличут вороны беду,
Смятение давит грудь —
Я жив, я помню, я иду —
Мне дорог этот путь.

Сквозь немоту,
Сквозь гвалт и шум,
Где все своё твердят,
Порой со страха, наобум,
Куда глаза глядят...

2

Спасибо людям здешних мест
За этот белый свет —
Кто нёс по снегу этот крест,
Кто ведал этот след!

Я сам его едва нашёл,
На самом склоне дня —
Спасибо всем,
Кто здесь прошёл
Задолго до меня.

Кто знал,
Что на грехи мои
Невелика цена,
А с двух сторон от колеи —
Сплошная целина...

ОТКАЗ ОТ НАГРАДЫ

Прошу не награждать меня крестом,
Ценя заслуги степени четвёртой:
Я не живу смиреньем и постом
И в гимнастёрке не хожу потёртой.

Я не гожусь в духовные отцы
Для жителей глубинки и столицы,
К винцу предпочитаю огурцы
Из урожая собственной теплицы.

И по причине грубости манер
Подросткам не могу служить примером:
Сам для себя я президент-премьер,
Не с президентом я и не с премьером.

Крушу сугробы, снегопад кляня,
Оберегая свой толчок холодный,
И думаю, что выпускать меня
Не стоит на простор междугородный.

В косоугольном погребке своём
Источник света нахожу на ощупь
И маюсь по ночам, но дрыхну днём,
Не выхожу с воззваньями на площадь.

На рифмах насмерть не стою за Русь,
Не проповедую, не поучаю,
В глашатаи и лидеры не рвусь,
Хоть иногда подачки получаю.

Во всём интеллигенцию виню,
Но интеллектуальную возню:
Постмодернизм, бессмыслицу, мазню, —
Без коих прозябаю и скучаю,

Превыше Высших Степеней ценю
И самым Главным Орденом венчаю!
Я каждый раз их выбираю вновь,
Им безрассудно доверяю снова —

Тут ни при чём призванье и любовь,
Я душу продал им и отдал плоть:
Уж если что вложил в тебя Господь,
То должен будь и не проси иного...

* * *

Столетия сталкивая лбами,
Бесстрашно спрашивал Вийон:
Где нынче снег былых времён
Под виселичными столбами?..

Где эта боль, где эти дни
С голодными и господами,
Когда куражились над нами,
С надрывом тешились они?

Где торжествующее зло,
Приговорённое заочно?
Спасибо, Господи, за то, что
Нам пережить их повезло!

И нам за каждый скорбный вздох
Природа смелостью платила,
И сокрушительный Атилла
К нам шёл, покуда сам не сдох...

Они в аду, с них спроса нет,
Но где снежок минувших лет,
Отрада зимних воскресений,
Где ноздреватый наст весенний
И первоснежья чистый свет?

Где наши крики на бегу,
Где наша радость, наши муки
И неродившиеся внуки,
И хризантемки на снегу?

С янтарным отсветом свечи
Где занавесок колыханье,
Где иней нашего дыханья
На окнах вечности в ночи?

Что нас доньне бьёт в упор,
Влечёт на крест, зовёт на спор,
Чего нам только не хватает,
Когда в узилище светает,
Чему вовек названья нет,

Оно, как воск, в ладонях тает,
Как слёзы, душит до сих пор,
Как память, в воздухе витает —
Кто знает, что сказать в ответ?..

* * *

Любую наш кунак любил игру —
Он воевал в подразделение ГРУ,
Где и когда — в анкетах делал прочерк,
Но умер от заболевания почек.
Ему вечер втыкали зонд в очко,
А он в техасский покер и очко
Для продолженья прежнего азарта
Нас ободрать предполагал назавтра.

Не получилось. Дочка и жена,
Как две свечи, склонились к изголовью,

И со своей искусственной кровью
Нам медицина больше не нужна.

А уж о службе лучше промолчи:
Теперь без президента слухачи
Из «Технологий-Нью» и «Нано-Гидро»,
Что как доисторическая гидра,
Поскольку совершенно не у дел
Его аналитический отдел —
Как без него сойдутся Юг и Север
Или когда польётся спам на сервер,
Кто разберёт, где правда, где обман,
Что с нами он осуществлял нередко —

Будённовская конная разведка
Теперь уходит без него в туман.

Мы хрустнувший
Вдоль струн гитарный гриф,
Сжимая губы и глаза прикрыв,
Храним в многострадальный этот день,
Где память навсегда накрыла тень
Крылом дырявым траурного грифа —

Ты где и как теперь без нас, Гариф,
И как теперь мы сами без Гарифа?..

* * *

Но пока предатели пьют вино
И любимые женщины плачут,
Нам не будет спокойствия всё равно,
Нам не будет сочувствия всё равно,
И не будет прощения всё равно,
Если праведный бой не начат.

* * *

Когда бы купил я
Хотя бы «Фиат» или «Форд»,
Гонял бы в ночное,
Подобно солисту «Ромена»,
И был по-цыгански
Доставшимся жребием горд —
Не хуже владельца
«Порше» или «Альфа Ромео».

Когда бы я клубную карту
Имел БМВ,
Носил бы её под жилетом
На уровне сердца —
И клёвые замыслы
Зрели б в моей голове:
Банкротства «Нисана»,
Слияния с «Крайслером» «Бенца».

Когда б я с «Пежо»
Контактировал или «Рено»,
«Мерси» отвечал бы по факсу
УАЗу и ВАЗу,
И жил без кредитов,
Красиво, как будто в кино,
Сполна расплатившись
За все удовольствия сразу...

* * *

Любить «Ламборджини», «Бугатти»,
«Феррари» и «Бентли»
Банкир ли позволит себе,
Оборотистый мент ли?..

* * *

Как бык, решившийся принять
Участие в родео,
Люблю я в пробке постоять
Вблизи «Альфа Ромео»!

* * *

В Париже до сих пор канкан и туш
Слышны из XIX века,
И щурится на крылья Мулен Руж
Хитрющий чёрный кот Тулуз-Лотрека.

* * *

Весна!
Пора аврала и уборки
Касается сегодня вся и всех,
И как мальчишка
На салазках с горки,
Оттаивая, с крыши едет снег.

* * *

Самара-матушка, нам нынче запахло
Трактиры с лавками — мол, даже не просите:
Как на коровушке ковровое седло,
Рамсторы-Хаусы твои да Мега-Сити...

* * *

В марте первая грязища
Окружает отчий дом,
В мае первая пылища
Поднимается столбом.

СТИХОТВОРЕНИЕ ВНУКА

Сегодня утром рано я проснулся,
Был полон сил и горы мог свернуть —
Потом к подушке ухом прикоснулся
И выбрал я альтернативный путь.

Прошли сомненья и утихли споры,
Я отошёл к реальности иной —
Где снежные несвёрнутые горы
Сияли в синем небе надо мной.

ЛЕТО

Ох, и лето,
Ну и лето —
В чём его секрет?
Не успеешь оглянуться —
Половины нет!
Не успеешь разогнаться,
Покататься чтоб,
А тебе уже внезапно
Объявляют: «Стоп!»
Не успеешь нагуляться,
Накупаться, насмеяться,
А тебе уже: «На выход!» —
Будто палкой в лоб.

Что за выход,
Что за палка —
Позабудь о ней!
Хоть порой
Бывает жалко
Этих дружных дней,
Вроде вкусного подарка,
Было и прошло:
Слишком ярко,

Слишком жарко,
Слишком хорошо...

Пусть об этом
В каждой книжке
Можно прочитать —
Хватит думать,
Хватит хныкать,
Хватит причитать!
Потому что наше лето,
Лучше всех оно —
Ты теплу его рассвета
Распахни окно,
Ты об отпуске напости,
Маечку надень —
Летней музыкой наполни
Самый зимний день,

Потому что наше лето
С нами заодно —
Каждая его примета
Вроде доброго привета:
Хоть на все свои вопросы
От него не ждём ответа,
Золотое наше лето
С нами всё равно...

РАБОТА

Нам задана по физике работа,
Но изучать работу неохота,
По мне, любая лишняя работа —
Довольно неприятная забота.

А тут ещё давление и трение
Желают оказать сопротивление,
И замедление вместо ускорения
Работе придают в одно мгновение.

И пусть прекрасна Архимеда участь —
Искать законы, радуясь и мучась,
Но тело утопляет в ванне ту часть,
С которою не справится плавучесть,

А птица машет крыльями в полёте,
И броненосец плавает на флоте,
Но муха тоже плавает в компоте
И принуждает к умственной работе!

Но стоит ветерку в окошко дунуть,
Как хочется на все законы плюнуть,
О выпускных экзаменах не думать,
А книжку с Архимедом в шкаф засунуть.

Но я согласен: нужно делать что-то,
Иначе лень затянет, как болото,
Ведь неспроста, хоть на носу суббота,
Нам задана по физике работа...

ЗИМНИЙ ДОЖДЬ

Стал снег
Как чёрствый коржик,
А тут такой прикоп:
Ты заблудился, дождик,
И в гости к нам пришёл.

Как будто на уроке
У наших схем и карт,
Ты перепутал сроки:
У нас не май, а март.

И джунгли Амазонки
Вдали от наших мест,
И зимние сезонки
В трамвае за проезд.

Ты мог бы нам присниться:
Как вырастал в разы,
Тигрёнком у тигрицы,
Тропической грозы,

Но ты до нас добрался
Каким-то грустным, дождь,
Как будто с кем подрался
И наказанья ждёшь.

В снегу собачья будка,
И ты у наших ног
Шевелишься, как будто
Детёныш-осьминог,

Но пёс лишь носом водит
И, сырость не любя,
Из будки не выходит,
Не лает на тебя.

И всем давно понятно,
Что ты напомнить шёл
Про солнечные пятна,
Рассветов яркий шёлк,

Про радуги и звёзды,
И родину свою,
Но заблудился просто
В неведомом краю...

ПИСЬМО В КАНАДУ

У компьютерных игрушек
Мышка есть и джойстик,
Чтобы кликать на иконках
Разные шарады —
К нам приехали девчонки
Из Канады в гости,

Симпатичные девчонки —
Гости из Канады.

Я включил для них компьютер,
Загрузил им космос,
Я рассказывал про замок
И волшебный остров,
Я показывал им русских
Роботов и монстров,
Но они боялись монстров:
Нет в Канаде монстров.

А над роботами гости
Засмеялись дружно
И у бабушки на даче
Прыгали под душем,
Ежевику и малину
Собирали в кружки,
А потом под краном мыли —
Прямо в этих кружках.

Без макдональдсов и чипсов,
Чиккенов и жвачки,
Были больше всех на свете
Нашей встрече рады
Две обычные девчонки,
Плаксы и чудачки,
Аккуратные чистюли —
Гости из Канады.

Мы ходили за грибами,
Пели кто что хочет,
Нам родители про это
Видео снимали,
Там сегодня понарошку
Плачут и хохочут
Мои летние подружки,
Гости из Канады.

День за днём промчится лето,
Я поставлю птичку
В списке летних впечатлений,
Подберу картинку
И скачаю с Интернета
Видео страничку,
Где на Жигулёвском море
Мы стоим в обнимку.

Мы научимся по скайпу
Говорить по-русски
И по электронной почте
Сами вдруг узнаем,
Что сегодня по-английски,
Даже по-французски
Все теперь немного лучше
В школе успеваем.

Но не в этом даже дело.
Я смотрю на лужи,
На раскидистые кроны
Клёнов у ограды
И горжусь, не задаваясь,
Что со мною дружат
Две отличные девчонки
Из самой Канады.

И в любое время года
Жду теперь, что снова,
Миновав другие страны
По дороге долгой,
Пролетит над океаном
К нам листок кленовый —
С Юго-Запада Канады,
Прямым на Волгу.

* * *

Приблизясь походкой нетвёрдой —
Мол, бьёшь, так уж насмерть ударь —
Собака с разрубленной мордой
Глядит, точно лунная тварь.

Где спереди пятнышком светлым
Виднеется сколотый зуб,
Как будто присыпанный пеплом,
Краснеет заросший разруб.

Как дети, пред нею мы оба:
Глядит, не мигая, на нас —
Какая зловещая злоба
Поблизости бродит подчас!

И с нами не так ли бывало —
Невольно снимаешь очки:
Из адского мрака подвала
Сигналят собачьи зрачки.

* * *

От свидания до свидания,
Между «здравствуй»
И «до свидания»,
Жизнь уходит, хрустя слегка,
Как купюра из кошелька.
У окна цифрового ящика
Жизнь проходит,
Шурша, как ящерка,
Оставляя невдалеке
Хвостик памяти в кулаке.
Штуки вышли,
Осталась сотенка,
Больше я тебе не Басё —
Вот и всё, моё счастье,
Всё-таки вот и всё.

* * *

И самые тяжкие воспоминанья:
Старанья-страданья, рыданья-стенанья,
Разломы и рытвины жизни твоей —
Куда-то уходят с прошествием дней.
За сердце хватали вчера и душили,
И в каждой молекуле времени жили,
А нынче их нет, будто всех во дворе
Хранили с водою в дырявом ведре.
Вода утекла, и они отступили,
Лишь сеточкой мелких морщин проступили,
Из памяти тайной тревогой сквозя,
Но сделали можно, что было нельзя.
И воображение твоё поразили
Тем, что поражения преобразили,
Раскрыли навстречу им новые дни,
Где полупобедами стали они.
Где жаль, что теперь они, все до одной,
Вблизи и вдали, — как сосед за стеной.

* * *

Июль над Волгой встал на якорь,
Пришла счастливая пора:
Комар, как микровентилятор,
Поёт над ухом до утра.

Но я согласен: дело глухо,
Герой от подвигов устал —
Избыток зрения и слуха
Бессонным недостатком стал.

И безразлично то, что будет,
И то, что было — заодно,
Раскрепощённых чувств не будит
И взгляд не манит за окно.

Но смысл любви, как прежде, ясен,
И давний выбор не напрасен:
Пришла счастливая пора,

Где снова жребий твой прекрасен,
Где ты восторженно согласен
С фальшивым пенем комара...

* * *

В объятьях непогоды леденящей,
Полумолитвы бормоча в бреду,
Глухой звонарь словесности изящной,
Вполупотьмах до звонницы бреду.

По тающему снегу ковыляю,
Зову на помощь через не могу
И безрассудно память ковыряю,
И беспощадно совесть берегу.

НА УБЫТИЕ В ОТПУСК

Белёсый свет
Берёзовых поленниц
Во сне я вижу от себя вдали —
Самарский край!
Я твой переселенец,
Репатриант, изгой, невозвращенец,
Твой эмигрант и гражданин Земли.

Чья у кого на темени корона,
Кто нынче за бортом, а кто у трона,
Я даже с пивом рассуждать не смел,
Как мел, седая ветеран-ворона,
Отряхивая с крыльев школьный мел.
И в забытьи как будто неглубоком,

Всё больше как-то мимо, как-то боком,
Преподавать спешил в рассветной мгле,
Обозревая прямодушным оком
Красоты в небесах и на земле.

Смотрел, как люди пестуют надежды,
Латают организмы и одежды
И за какие, не поймёшь, шиши
Приобретают яхты и коттеджи
На сущие насущные гроши.
И удивляясь, но не восхищаясь,
На митингах с толпой не возмущаясь,
Я к отпуску своей дорогой шёл,
Не огорчаясь и не возбуждаясь,
Что сам того искал, но не нашёл.

Где плыли в парусах
Челны на стрежень,
Самарский край!
Остроконечный стержень
Твоей ракеты из кустов торчит,
А ветер — так пронзителен и свеж он,
Твоим прибрежным полынком горчит.
Но у меня свои сегодня сроки,
Свои приобретения и уроки,
И ты меня прости, Самарский край,
Попридержи обеты и оброки,
Обнимемся у трапа — и прощай.

* * *

Кто это хнычет и стонет
В соседнем подъезде,
Чья это души скрепляет
Прискорбная нить —
Это поэзия наша
С клеветами вместе:

Плача, выносим её
И везём хоронить.

Будет ли что-то взамен
Ежедневной печали,
Будут ли сниться, как
Гектору снился Патрокл,
Очи божественной сини
Под сенью вуали,
Связки жемчужин на шее
И зад без порток?..

Нынче свобода у нас
И не нужно ответа,
Денежек даже не нужно,
Проси не проси —
Всем министерствам
И думам спасибо за это,
Всем корпорациям нашим —
Респект и мерси!

Эх, не дождалась она
Драгоценного гранта,
Под ноги от меценатов
Песцов-соболей:
Сладок в Отечестве
Дым, а не хлеб эмигранта —
Слёзы утри, поминальную
Стопку налей!

Будто невеста, он
В покрывале кисейном,
Ах, не напрасно
Пророчит беду вороньё:
Ох, перетонем в своих
Лучезарных бассейнах,
Ух, задохнёмся
В коттеджах своих
Без неё...

БОМАРШЕ

Я эксперт королей,
А не ваш секундант-информатор:
Без моих преступлений
Империи вашей конец,
Ибо даже ваш канцлер
По виду такой реформатор,
А по сути — стервец и пройдоха,
Последний подлец.

Ибо нет королевства,
И нет казначейства в округе,
Где б так щедро платили,
Чтоб я согласился рискнуть,
Но потом, отрекаясь,
Мои б не презрели заслуги,
Да ещё б не пытались
Наёмным кинжалом проткнуть.

Мне подвластными были
Дворцовых покоев потёмки
И бесхитростных ярмарок
Пьяный, ликующий сброд —
Пусть прочтут и поймут
Их моих донесений потомки:
Я не кукольник был для забавы,
А сам кукловод.

И галантностью наглой
Ввергая красоток в истому
Или пыль с парика
Отряхая на графский порог,
Был я маршалу нужен
И нужен солдату простому,
Ибо множество жизней
Вдали от сражений сберёг.

Слыша гул канонады
В раскатистых отзвуках эха,
Трезво я понимал,
Как само мирозданье старо,
Но душили меня
Исступлённые приступы смеха,
Когда, вспомнив вельможные
Рожи, хватал я перо...

* * *

Не уходят с Волги пароходы,
Плюс температуры на дворе,
И, как помрачение у природы,
Расцветают розы в октябре...

Отрицает зимние законы
Ренессанс любви на склоне лет
Или прилетел от «Барселоны»
Кумачовый пламенный привет?

Или это романтизма знамя
С пятнами от слёз по кумачу —
Я не знаю, что на завтра с нами
Будет — даже думать не хочу.

Будто с кровью выдернул занозу
И в оцепенении стою,
Покорившись метеопрогнозу,
Грубошёрстный свитер достаю,

Но смотрю, смотрю в родные лица
И на всё, что нынче возле нас:
Может, ненадолго, но продлится
Данный нам благословенный час?..

Устоит до ледяного ветра
Наших лет неповторимый миг —
Вот ещё одна пожухла ветка,
Вот ещё один бутон поник,

Ах, не зря остры камней осколки,
И не зря залётный пароход,
Будто в детстве,
С охладевшей Волги
Закаспийский голос подаёт...

Ни тревоги в нём и ни угрозы,
Но листва в осеннем серебре,
И неотвратимо мёрзнут розы
В аномально тёплом октябре.

* * *

Посмотришь новое ТВ —
Покрутишь пальцем у виска:
В бандиты и боевики
Пошли фанаты и студенты,

Отсиживаются в Москве
И Лондоне интеллигенты,
Любуясь собственной судьбой —
Такая смертная тоска

Выслушивать их умный бред
Про рейтинги и дивиденды,
Когда с карателями бой
Ведут шахтёрские войска...

* * *

Чтоб в массы продвигать
Сонеты и романсы,
Взахлёб не голосить,
Но быть у них в чести,
Ты должен сложных чувств
Оттенки и нюансы
Уметь запечатлеть
И воспроизвести.

* * *

Задыхит влагой запад,
И ощущаем мы
Студёный, свежий запах
Начавшейся зимы.

Но заполярный север
Попотчевать готов
Стушением сине-серых,
Калёных холодов.

Запеленают туже,
До самого утра,
Белёдые от стужи,
Восточные ветра,

Но всё же чем-то нужный,
Всего как будто сверх,
Восторжествует южный
Предновогодний снег...

И нам на свете снова
Не нужно ничего —
Мы всё отдать готовы
Друг другу за него.

* * *

По шажку, по строке
Уходя постепенно
От чужих наслоений
Словесной трухи,
В знаменитых изданиях
«Юность» и «Смена»
Я мечтал напечатать стихи.

Этих давних невзгод
Незатейливый юмор
Вспоминаю опять и опять,
Хоть давно обе темы:
И «Смена», и «Юность»,
Перестали меня волновать.

СОДЕРЖАНИЕ

Ода.....	3
----------	---

Самарские окраины мои

«Всю жизнь бродить по улицам одним...»	5
«Казаки вы, казаки...»	6
«Дочь разговаривает во сне...»	8
«За что погубили Разлацкого Лёшу...»	9
«Освящение писательских уз...»	10
Гимн	11
«Меню, засиженного мухами...».....	12
«В Студёном овраге поют петухи...»	13
«На лестнице кинотеатра «Молот»...»	13
«Застольные речи ведём о былом...»	14
«В Париже хорошо...».....	14
«Просыпаюсь — и звёздную музыку слышу...»	15
«Ты спрашиваешь: «Где ж тут обо мне?»...».....	16
«Скажет Вий...»	17
«Зачем я мучил рыжего кота...»	18
«Хорошо, когда кто-то живёт за стеной...»	19
«Какая-то музыка будто слышна...».....	19
«В дощатом доме, средь тоски и мрака...».....	20
Эльбрус	21
Камский лёд.....	22
«Здравствуй, здравствуй...»	22
«Как хочется все эти годы...»	23
«Нам солнышко светит...»	24
«Так много вопросов и мало ответов...»	24
«Самарские мои окраины родные...»	25
«Заводского спортклуба питомцы...»	26
«Ах, воспоминанья, как синицы...»	27
Приглашение в гости.....	28
Оборона Москвы.....	29
«В застольном радостном азарте...»	30
«Сражались Вани и Алёши...».....	31
Сталинградская баллада	31

«Мы русские...»	33
«В оккупированной Риге...»	34
«В Арденнах...»	35
«Живыми душами заплачено...»	36

Ночной арбуз

«Из чада полуночных именин...»	37
«Снег из арки вылетает...»	39
«В самолёте ночном...»	40
«Ах, с кем я был знаком...»	42
Два перевода	44
«Когда из уваженья и печали...»	46
«У последнего шрама великой войны...»	48
«Над Северным Рейном...»	49
«Фактически мама...»	51
«Последнее дело — стихи объяснять человеку...»	52
«Я буду самым лучшим...»	53
«В клубах тёплого света...»	54
«Вдали от кунсткамеры...»	55
«По мусорке бродит крысёнок...»	56
«Неяркий этот день уму и сердцу...»	56
«Эти прибрежные сосны и рижские шпили...»	57
«В Студёном овраге под Лысой горой...»	57
«Где зимуют соловьи?...»	59
«Вновь непогода распускает нюни...»	60
«В дачном нашем парке...»	62
«Не бывает у одежды дождь...»	62

Картошка

Козельск	63
Картошка	64
Лев Толстой	65
Никола Тесла	66
«Я не знаю, как она зовётся...»	67
«Ненастная осень 2009 года...»	68

«Навек опоздав в золотые края...»	69
«Нынче ночью товарищ мой...»	70
Сонет о соколе	71
«Коль нет за душой ни звезды, ни креста...»	71
Монолог инвалида	72
«Два ангела тихо вздыхают...»	72
«Где ж вы, раскрасавицы лесные...»	73
«Послышалось, что ты зовёшь меня...»	74
«Как жизнь подытожить?...»	74
«Будто из трамвая выбросил...»	74
«Что у нас сегодня с небом?...»	75
«Посиди поспокойней...»	75
Академия	76
«Кто не спускал обид...»	77
«В ней столько...»	77
Петров-Водкин	78
«Гора через дорогу...»	78
«А жизнь кончается...»	80
Ночная вьюга	80
Дуэль	80
«Эту песню пел когда-то каждый школьник...»	81
Жена Сократа	82
«Какие деревья росли...»	84
«Снег посыпал, и стало тепло...»	85

Новые времена

Свадьба	87
Вагон	89
Добрый человек из Сезуана	90
Гершвин	92
«Если бы я забыл...»	92
«Наконец-то стало пасмурно...»	93
«Высь ослепило вспышкой яркой...»	93
«В системный кризис...»	94
Два упоминания о прекрасной даме Настасье Филипповне	94

«Анонимные стихи...»	97
«Очаг пылает, прогоняя тлен...»	98
«Как бы в майский...»	99
«В разгар куражного веселья...»	100
«План обустройства страны...»	100
«Вдоль околиц синь лесная...»	101
Церковный блюз	102
«Эту жизнь...»	103
Герои Трои	103
«Красок радужных пятна — как солнце в росе...»	108
«Под дверью цвета древесины тиса...»	108
«Моне рисует пруд...»	109
Осенний поезд	111
«Вовек желанней и добрей...»	112

Неформат

Песни	113
Завещание крестоносцев	114
«Не позорься, — говорили Фету...»	115
«Я сказал: «Души в тебе...»	115
«Возраст...»	115
«Как почки вишен...»	116
«Где свирепствует...»	117
«Это, любимая...»	117
Полтора сонета	118
«Капель летящее столпотворенье...»	118
«Зрим заступницу скорбящую...»	119
«В краю, где раскатом...»	119
«Как потёкший радиатор...»	119
Болгарский сонет	120
Японский сонет	120
«Ах, этот дух восстания...»	121
Брюссель	121
«Отдай нам, мир спасённый...»	121
Чили	122
«Хватит буден геройских...»	122

Прощание с полковником	123
Воспоминание о Киеве	124
Одесса	126
«После долгих...»	126
Из нового заветания Франсуа Вийона	127
Шиповник	129
«Стихи в газете...»	131
Зимняя дорога	132
Отказ от награды	133
«Столетия сталкивая лбами...»	134
«Любую наш кунак любил игру...»	135
«Но пока предатели пьют вино...»	136
«Когда бы купил я...»	137
«Любить «Ламборджини», «Бугатти»...»	137
«Как бык, решившийся принять...»	138
«В Париже до сих пор канкан и туш...»	138
«Весна!...»	138
«Самара-матушка, нам нынче запахло...»	138
«В марте первая грязь...»	138
Стихотворение внука	139
Лето	139
Работа	140
Зимний дождь	141
Письмо в Канаду	142
«Приблизясь походкой нетвёрдой...»	145
«От свидания до свидания...»	145
«И самые тяжкие воспоминанья...»	146
«Июль над Волгой встал на якорь...»	146
«В объятьях непогоды леденящей...»	147
На убытие в отпуск	147
«Кто это хнычет и стонет...»	148
Бомарше	150
«Не уходят с Волги пароходы...»	151
«Посмотришь новое ТВ...»	152
«Чтоб в массы продвигать...»	153
«Задышит влагой запад...»	153
«По шажку, по строке...»	154

Литературно-художественное издание

Олег Николаевич Маслов
САМАРА НА ВСЕ ВРЕМЕНА
Стихи

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Руководитель проекта
«Народная библиотека Самарской губернии»
Александр Громов

Корректор — *Алексей Сыромятников*

Издание подготовлено творческим объединением
«Русское эхо»
Самарской областной писательской организации
Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 03.08.2016. Формат издания 84x108/₃₂.
Объём 8,4 печ.л. Гарнитура Excelsior Cyrillic.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 400 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru